

Александр Мишкин
Anamnesis mali

История беды

Александр Мишкин

Anamnesis mali. История беды

«Издательские решения»

Мишкин А.

Anamnesis mali. История беды / А. Мишкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749286-1

Заключительная часть трилогии о необыкновенных приключениях доктора Пал Палыча Светина, в руки которого случайно попадает фрагмент Стабилизатора — древнего устройства, удерживающего наш мир от саморазрушения. И только две недели остаётся у доктора и его друзей для того, чтобы вернуть злополучный фрагмент на место и остановить катастрофу...

ISBN 978-5-44-749286-1

© Мишкин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Anamnesis mali
История беды
Александр Мишкин

© Александр Мишкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

12 сентября 1944 года, Карпаты, Западная Украина, 14—22.

Очередь сухо протявкала совсем рядом. Пули с недобрым жужжанием пронесли над головой, щедро посыпая её ошмётками подвернувшихся еловых веток. Свирина ругнулся сквозь зубы и поспешно скатился на дно овражка, из которого только что так неосторожно высунулся.

– Гей, капитане! Ты чога пид зэмку закопався? Звыкаеш вже? – с издёвкой поинтересовался голос наверху, – Выходи, поживеш ще трохи. Нам на радисть!

Последние слова поглотил многоголосый хохот, эхом прокатившийся по лесу. Свирина тихо выругался ещё раз и отщёлкнул магазин трофейного «шмайсера». Восемь патронов. Плюс – ещё пять осталось в «ТТ». Хреново.

Бандитов было не меньше дюжины. Поначалу. Пятерых они с Серым положили ещё там, в селе. Пока держали оборону в собственном отделении милиции...

Капитан криво усмехнулся. Отделение! Смех один. Покосившаяся изба-мазанка на самой окраине села. С одним окном и двумя милиционерами внутри. Да ещё – с мощнейшим арсеналом: два автомата (один – трофейный), один пистолет и две гранаты-лимонки. Вой – не хочу!

Зато задача была поставлена грандиозная: уничтожить все имеющиеся в округе банды и защитить «мирное население» от всякого рода преступных элементов. Их, этих самых «элементов» в окрестных лесах бродило немеряно: и недобитые фрицы, сбившиеся в группы и пытающиеся пробиться на запад – вслед за стремительно удаляющейся линией фронта; и дезертиры, тоже бродящие небольшими, но озверевшими стаями; и банальные уголовники-мародёры, набивающие карманы ценностями, отобранными у мёртвых...

И, разумеется, бандеровцы. Эти были самыми опасными тварями из всего перечисленного зверинца. Если остальные таились в лесах и в бой ввязывались лишь по необходимости, когда припрёт, то бандеровцы – целенаправленно истребляли всех, кто имел хоть какое-то отношение к Красной Армии и Советской власти.

Но самым лакомым куском для бандитов были «ястребки»: офицеры и сержанты подразделений НКВД, специально созданных на Западной Украине для борьбы с националистами.

Месяц назад Свирина стал этим самым «ястребком». Очень даже просто и быстро решился вопрос: вызвали к командованию, поставили задачу, дали в подмогу Серого, – и вперёд, в это затерянное в карпатских лесах село. Защищать «мирное население»...

Оно, это «мирное население», в большинстве своём мирным было лишь днём. А с наступлением темноты – бралось за всякие стреляющие трофейные железки и уходило в леса. Отстреливать «клятих москалив», топчущих «нэньку-Украину».

В последнее время бандиты обнаглели окончательно. Вот и сегодня: среди бела дня из лесу вышла дюжина откормленных салом, увешанных оружием «гарних парубков» и попёрла на штурм отделения милиции. Почти не таясь.

Да не тут-то было. Трёхлетний фронтный опыт – это вам не шутки. В первые же пять минут боя трое бандитов навсегда прилегли на сочный украинский чернозём. Остальные стали осторожнее: на рожон уже не пёрли, обложили вкруговую и решили взять измором. Знали, сволочи, что с патронами у «ястребков» – полный швах.

Тогда-то они с Серым и решили прорываться в лес. И прорвались, попутно упокоив ещё парочку «лесовиков». Гранатой. А чуть позже, когда проклятое село уже скрылось за деревьями, Серый поймал спиной слепую, шальную пулю. И остался Свирина один, без своего старшины. Даже его оружие не успел забрать: озлобленные бандиты неслись по пятам.

Капитан вздохнул и воткнул рожок обратно в автомат. Да уж, ППШ Серого сейчас бы пришёлся очень кстати. Да и граната, оставшаяся у старшины, не помешала бы...

Сверху раздался шорох торопливых шагов. Свирин взметнулся из своего овражка, дал короткую очередь в два патрона в сторону звука и, уже падая обратно, успел заметить, как оседает на землю ещё один бандит. Шесть-один...

... Чёрт, зацепили-таки! Тупая боль заполнила правую половину живота. Капитан опустил глаза: по выцветшей гимнастёрке проворно расплзлось тёмное пятно. Во все стороны от небольшой, аккуратненькой такой дырочки в ткани... ну и в животе, соответственно.

Похоже, в печень угодили... Руки и ноги начали стремительно холодеть. Всё, Свирин, отвоевался: с такой раной ещё несколько минут протянешь, от силы – четверть часа. Насмотрелся в своё время на передовой на ребят с чем-то подобным – невесёлая аналогия...

– Так що, капитан? Або ты до нас виходишь, або мы – до тебе? Для тебе краще буде, якщо ты – до нас! – не унимался наверху глумливый голос.

Свирин скрипнул зубами в бессильной злобе. Не дождётесь, твари, теперь я даже при желании к вам не выйду. Не смогу просто. Да и желания никакого нет.

Капитан пополз вдоль овражка. Неподальёку, в каких-нибудь десяти метрах, заросли колючего кустарника были намного гуще, чем в других местах. Свирин направился туда, сам не понимая, зачем. Его угасающим сознанием овладело давно забытое детское желание: забиться куда-нибудь в уголок, подальше от чужих глаз. Чтобы не нашли.

Не чувствуя боли, капитан продрался сквозь колючки в самую гущу кустарника. И полез дальше, не останавливаясь и уже почти ничего не видя.

Вдруг, вместо привычной холодной и жирной земли, руки ощутили пустоту. Не успев удивиться этому факту, Свирин почувствовал, как куда-то проваливается и летит. Летел он, впрочем, недолго: падение оказалось весьма болезненным и на какое-то время лишило капитана сознания.

Очнулся Свирин от странного ощущения во всём теле: оно вибрировало. Вместе с тёплой, почти горячей поверхностью, на которой лежало. Ощущение было необычным, но весьма приятным.

С трудом приподнявшись на руках, капитан огляделся. В небольшой пещере, в которую он угодил, непонятным образом было светло. Не так, чтобы очень, не как днём, но – светло. При том, что никаких ламп или других каких источников света видно не было.

Это, конечно, было странно. Но ещё более странным оказался пол пещеры: вымощенный небольшими правильными шестигранниками, он вибрировал и излучал то самое приятное тепло.

– Что за чёрт? – поинтересовался Свирин у тишины. Она не ответила.

Капитан озадаченно колупнул пальцем щель между соседними шестигранниками. Та внезапно расширилась и пропустила палец в себя почти полностью. От неожиданности Свирин вздрогнул и отдернул руку. Выждал немного и присмотрелся.

Шестигранники не были закреплены. Они всего лишь были точно пригнаны друг к другу, довольно неплотно, но зато образуя идеально-ровную поверхность. Будто кто-то невесть зачем собрал мозаику, да так и оставил здесь, в этой пещерке в предгорьях Карпат.

Капитан пожал плечами и осторожно ухватил пальцами ближайший шестигранник. Затаил дыхание и потянул вверх. Получилось! Фрагмент странного пола оказался в руке Свирина, а на его месте теперь вызывающе зияла правильная дыра.

Чудеса продолжались: шестигранник в руке капитана внезапно стал из горячего ледяным. Продолжая, впрочем, всё так же вибрировать в унисон со странной мозаикой. А по стенам пещерки тревожно заметались неясные тени.

По сознанию Свирина хлестнула мысль: нельзя! Да больно так хлестнула, наотмашь. Выбивая все остальные мысли, чувства и желания. Будто кто-то большой извне кувалдой вколачивал в голову: НЕЛЬЗЯ!

Повинуясь этой мысли, капитан поспешно поднёс шестигранник к его опустевшему гнезду. А вот вставить – не успел. Последние силы ушли вместе с кровью, вытекающей из пробитой печени. Рука с зажатым в ней шестигранником безвольно упала – рядом с дырой. Совсем рядом.

А в умирающем сознании капитана надрывно кричала и билась мысль: НЕЛЬЗЯ! НЕЛЬЗЯ! НЕЛЬ...

Часть 1

Катаклизменная

Сегодня, 1 июня, Нероград, 18—45.

– Палыч, ты о чём?! – изумился Петрович, на миг даже забыв о еде, – Какие такие «золотые стандарты» лечения? Забыл, на чём и с чем нам приходится работать? Оборудование – времён царя Гороха, латаное-перелатаное. Причём, замечу, латаное нами же, а не специально обученными товарищами! ИВЛ в пятой палате заводится только после пинка в точно определённую точку...

– После третьего пинка, – поправил я его, с наслаждением потягивая вино и задумчиво разглядывая оставшуюся на моей тарелке порцию шашлыка. Мясо выглядело чертовски аппетитно, но пресытившийся организм уже начинал выражать некоторые сомнения. Пока не очень бурно.

– Ну да, после третьего! – согласился Петрович и зачихнул в себя очередной кусок, – М-м-м умгу гыва фо!

– Ась? – вяло переспросил я. Затянувшаяся дискуссия уже начинала мне надоедать.

– Тем более, говорю! – Ванька проглотил еду и освободившимся ртом вновь начал пламенно вещать, – Мониторы показывают всё, что угодно, но только не то, что положено. Дефибриллятор «стреляет» через раз и не всегда – в пациента...

– Петрович, кончай! – я поёжился, вспомнив события почти годовой давности и незабываемые ощущения от разряда в пять киловольт. Есть как-то расхотелось совсем.

– Доктора, вы в состоянии говорить о чём-либо, кроме работы? – поинтересовалась Кларочка, – Хочу заметить, что вы вот уже почти час находитесь в кафе в обществе весьма привлекательной молодой особы. И, вместо того, чтобы наперебой эту самую особу развлекать, утомляете её слух хоровым плачем об удручающем состоянии отечественного здравоохранения. На примере отдельно взятого кардиореанимационного отделения, в котором имеее несчастье работать...

Девушка демонстративно надула губки и отвернулась к стене.

– Смею заметить, что молодая привлекательная особа до последнего времени сама принимала живейшее участие в вышеупомянутом хоровом плаче, – улыбнулся я и подлил в её бокал вина, – Но ты права, малыш, давай тяпнем и прекратим разговоры о работе. В конце концов, у нас выходной. Петрович, ты с нами?

– Всегда! – отозвался тот и поднял свой бокал, – За сбычу мечт?

– За сбычу мечт! – хором подтвердили мы с Кларочкой и со звоном сдвинули бокалы.

Вино оказалось молодым и забористым. Уже через пару минут мы напрочь позабыли о насущных проблемах нашего отделения и оживлённо болтали ни о чём. Ужин перешёл в новую фазу.

Откинувшись на спинку кресла, я лениво рассматривал остальных посетителей небольшого летнего кафе в самом центре Нерограда. Свободных столиков не было: кухня здесь была отменная и кафе пользовалось заслуженной популярностью.

За соседним столиком собралась весьма колоритная компания. Четверо молодых парней лет двадцати, одетых почему-то в военную форму времён Великой Отечественной войны. Причём, если трое из них были облачены в гимнастёрки советского образца, то на четвёртом красовалась полевая форма вермахта – характерного мышиного цвета и даже с погонями. В чинах германской армии я не разобрался, поэтому звание «фрица» определить не мог.

Вся грудь «фашиста» была увешана какими-то медалями, орденами и значками. В основном, преобладали всякого рода железные кресты и орлы. Однако, присмотревшись, я с изум-

лением отметил в центре этой экспозиции значки ГТО, «Почётного Донора СССР» и «Ворошиловского стрелка». Я хмыкнул.

– Ты чего, Палыч? – поинтересовался Ванька, с сожалением рассматривая свою опустевшую тарелку.

– Да вот, люблюсь яркими представителями неформальных молодёжных движений, – пояснил я, указав глазами на «фашиста» с приятелями, – Вот скажи, Петрович, ты бы смог в пору своей ранней юности вот так, запросто, пройти по центральным улицам города в немецкой военной форме времён Второй Мировой?

– Ну-у... – начал было Ванька, но я прервал его:

– Впрочем, ты бы, наверное, смог: твоя ранняя юность пришлась уже на смутное постсоветское время. А вот я бы – точно нет. Мигом бы ласты за спину завернули – и в «серый дом». А там товарищи с ласковым прищуром объяснили бы, что к чему. В лучшем случае, отделался бы исключением из комсомола и института. В худшем – поехал бы по дрова. Куда-нибудь на Север.

– Не пойму я, Палыч, ты что – завидуешь ему? – ехидно осведомился Петрович, кивнув на носителя вражеской формы.

– Да Боже упаси! – я даже поперхнулся от возмущения, – Чему тут завидовать-то? Я говорю о том, что за какие-то пятнадцать-двадцать лет всё изменилось до неузнаваемости!

– Темпора мутантус! – мудро заметил Ванька.

– Эт нос мутамур ин иллис! – продолжил я древнеримскую истину и поднял бокал, – Вот за это и выпьем!

– А перевод? – потребовала Кларочка, – Что-то там про время, насколько я поняла?

– Времена меняются – и мы меняемся вместе с ними! – торжественно провозгласил Петрович. Уже по-русски.

– Хороший тост, – одобрила Кларочка, – Виват?

– Виват! – хором подтвердили мы с Ванькой и вновь сдвинули бокалы.

Их слабый звон был перекрыт грохотом со стороны соседнего столика. Мы вздрогнули и, не успев выпить, обернулись на шум.

Там творилось что-то странное. «Фашист» с выпученными глазами вскочил, зачем-то содрал со столика скатерть, обрушив наземь всё, что на ней было, и теперь вертелся на одном месте. Скрючившись и схватившись обеими руками за тощую шею, сиротливо выглядывающую из явно большого для неё ворота вражеского мундира. Рот нашего странного соседа был широко раскрыт и издавал жутковатые хрипящие звуки. А лицо – синело.

– Подавился фриц! – первым сообразил Петрович и рванул к бедняге. Я – за ним.

Ванька подбежал к «фашисту», обнял его сзади и обеими ручищами принялся толчками давить на живот, пытаясь заставить застрявший где-то в гортани кусок вылететь наружу и дать проход воздуху.

Вокруг мигом образовалось плотное кольцо зевак. Слава Богу, никто не пытался давать советы: просто молча стояли в ожидании дальнейшего развития событий.

– Без паники, мы врачи! – на всякий случай сообщил я почтеннейшей публике.

Та приняла это известие с одобрительным мычанием. Из толпы к нам вывинтился толстенький маленький человечек с характерной формой носа и небритостью:

– Дарагой, «Скорую» нада вызват? – озабоченно поинтересовался он. Акцент тоже был характерным.

Я посмотрел на Петровича. Тот старался изо всех сил, но тщетно: несчастный «фриц» в его объятьях синел всё больше, уже почти не трепыхался и закатывал глазки.

– Вызывайте, – подтвердил я и, поколебавшись пару секунд, добавил, – Вы хозяин кафе? Срочно нужен нож с острым концом. Очень острым. Ещё – широкая трубочка для коктейля. И водка.

Толстяк недоумевающе взглянул на меня.

– Резать будем! – максимально доходчиво пояснил я.

Перевод помог. Горец радостно закивал и скрылся в подсобке. Через несколько секунд вернулся, размахивая над головой, словно шашкой, огромным разделочным ножом. Из другой его руки торчал пучок разноцветных коктейльных соломинок. Как раз нужного диаметра.

Следом за хозяином тяжело топал крупный официант с подносом, на котором красовалась запотевшая бутылка водки и несколько рюмок.

– Вот, – запыхавшись, толстяк протянул мне нож и соломинки, – А там – водка.

– Рюмки-то зачем? – рассеянно спросил я, пробуя ногтем острие ножа.

– Как – зачём? Водка пить как будэш? – удивился хозяин.

Я вздохнул и, не тратя времени на разъяснение основ асептики и антисептики, распорядился:

– Составьте в ряд три стола. Быстро.

Всё было исполнено молниеносно.

– Петрович, клади фрица. Всё, больше времени нет на попытки.

Ванька понимающе кивнул, схватил полумёртвого парня в охапку и уложил на столы. Рванул ворот вражеского мундира, оголяя шею и грудь.

Я выхватил бутылку у застывшего в ожидании официанта и щедро полил водкой будущее операционное поле. Из толпы донеслись сокрушённые вздохи.

Закончив с подготовкой пациента, я сунул бутылку в руки официанту:

– Лей! – и подставил под холодную струю руки, нож и соломинку, – Петрович, мойся тоже. Ассистировать будешь!

Ванька пристроился рядом. Обработав руки и инструмент так тщательно, насколько это было возможно, мы вернулись к брэнному, слабо хрипящему телу «фашиста».

– Держи пока! – я сунул Петровичу соломинку и нащупал пальцем на тощей шее нужную точку.

– Ага, тут. Давай! – подтвердил Ванька.

Я кивнул и ткнул кончиком огромного ножа в горло «фрица». Толпа дружно ахнула. Кто-то взвизгнул.

– Тыхо всё! – грозно проревел толстяк за моей спиной.

Мигом воцарилась тишина. Я мысленно поблагодарил маленького горца и посильнее надавил на нож. Острие вдруг провалилось и я едва успел остановить его движение. В глубине раны кровь запузырилась. Есть! Трахея вскрыта.

– Петрович, давай!

Ванька ловко ввинтил в дырку на шее нашего невольного пациента коктейльную трубочку. Из неё тут же вместе с воздухом вырвался небольшой фонтанчик кровавых брызг. И «фриц» задышал: часто, жадно и глубоко. Через соломинку.

Толпа шумно выдохнула и зааплодировала. Подавив в себе желание раскланяться, я похлопал пациента ладонью по щеке:

– Эй, фриц! Глаза открой! Слышишь меня?

– Колькой его зовут! – подсказал мне один из «красноармейцев».

– Николай, открой глаза! – приказал я.

«Фриц» послушался. Глаза распахнулись и с неподдельным изумлением уставились на меня. Рот открылся...

– Говорить не пытайся: всё равно не выйдет! – предупредил я его, – Объясняю: ты подавился, потерял сознание, мы вставили тебе в трахею трубку, дышишь пока через неё. Моргни два раза, если понял.

Веки старательно опустились и поднялись два раза.

– Молодец. Сейчас приедет «Скорая», отвезёт тебя в больницу. Там из твоей гортани вынут еду и заштопают дырку в шее. Будешь как новенький. Понятно?

«Фриц» опять два раза моргнул.

– Отлично. А вот и «Скорая», кстати! – обрадовался я, услышав приближающуюся сирену. И почувствовал, как кто-то дёргает меня за штанину. Опустив глаза, я с удивлением обнаружил, что рука, вцепившаяся в брюки, растёт из моего неожиданного пациента.

– Ты чего?

Рука отпустила штаны и залезла в карман немецкого мундира. Через миг показалась оттуда с каким-то предметом. И ткнулась в мою руку.

Я вздрогнул: в моей ладони оказалось что-то вибрирующее и холодное. Очень холодное – просто ледяное. Ощущение было приятным – особенно с учётом тридцатиградусной жары.

Я разжал пальцы: на ладони лежал шестигранник из какого-то чёрного металла. Небольшой совсем: с гранью сантиметров пять, не больше. Зато довольно тяжёлый. Всмотревшись, я обнаружил, что матовая чёрная поверхность усеяна непонятными символами, расположенными правильными столбцами по пять знаков в каждом.

– Что это? – я перевёл взгляд на «фрица».

Тот широко улыбнулся. Потом ткнул пальцем сначала в шестигранник, затем – в себя и, наконец, – в меня.

– Пальч, это он тебе подарок сделал. В знак благодарности за спасение жизни! – перевёл Петрович.

Пациент радостно закивал головой, соглашаясь.

Я пожал плечами:

– Спасибо, конечно, но... Это хоть что?

Теперь пожал плечами «фриц». Похоже, он и сам не знал, что подарил.

– Нормально... – пробормотал я и добавил уже громче, – Ладно, Николай, спасибо большое. Давай, поправляйся и в следующий раз ешь аккуратнее. Тщательно пережёванная пища – залог здоровья. Ты теперь это знаешь.

«Фриц» улыбнулся и кивнул. Знает.

– Так, что у нас случилось? – сквозь толпу протиснулись две докторицы со «Скорой». Или фельдшерицы – не важно.

Я широким жестом указал на лежащего с трубкой в горле и ухмыляющегося «фашиста»:

– Вот, принимайте: эхо минувшей войны. А вернее – жертва обжорства. В гортани – шашлык, в трахее – трубка. В больнице и то, и другое надо будет убрать. Именно в этой последовательности.

– Круто! – констатировала докторица помоложе, оценив плоды нашей работы.

– А то! – скромно согласились мы с Петровичем.

2 июня, Нероград, отделение кардиореанимации, 09—05.

Я задумчиво повертел странный шестигранник в пальцах: предмет по-прежнему тихо вибрировал и приятно охлаждал кожу. Загадочные символы на чёрном металле будто слегка подсвечивались изнутри... и ровным счётом ни о чём мне не говорили.

– Пальч, в ружьё! – Петрович брякнул трубку местного телефона на аппарат и вскочил, – В хирургии якобы инфаркт с кардиогенным шоком!

Я затолкнул таинственный подарок «фрица» -Кольки поглубже в свой шкафчик и захлопнул дверцу. Не буду думать об этом сегодня – подумаю об этом завтра, – так, кажется, говорила несравненная Скарлетт О'Хара в «Унесённых ветром»?

Через пару минут наша бригада лихо ворвалась в палату второго хирургического отделения. И, судя по всему, вовремя. Бледное тело на постели уже тихо похрипывало с закатившимися глазами.

Зато вокруг царило нездоровое оживление. Кровать обступило трудноисчислимое количество народу. Я успел заметить и заведующего отделением, в которое мы прибыли, и парутройку знакомых хирургов, и несколько озабоченных медсестёр, и... О нет, только не это!

Навстречу нам из врачебной толпы выдвинулся, радостно потирая толстенькие ручки, наш начмед Гадёныч. Сиречь – Алексей Кадинович. Сын киргизских степей. Или казахских? Точно не скажу, каких именно степей сын, но то, что сукин – определённно. Доказано неоднократно им же.

– Наконец-то! И часа не прошло – а кардиореанимация уже тут! – с фальшивым восторгом воскликнуло начальство.

Я демонстративно посмотрел на часы:

– Вызов поступил три минуты назад. Звонки записываются и фиксируются по времени. По запросу можно сделать распечатку, дабы убедиться в некоторой некорректности вашего замечания, тонкую иронию которого, вне всяких сомнений, оценили все присутствующие здесь коллеги.

Коллеги, несмотря на драматизм обстановки, захихикали. Гадёныч побагровел и начал плевать слюной:

– Пал Палыч, не до ваших штучек сейчас! Состоялся консилиум: у этой больной – инфаркт и кардиогенный шок. Забирайте её к себе. Я поднимусь позже и проверю назначения.

За моей спиной тихо хмыкнул Петрович. Гадёныч разбирался в неотложной кардиологии немногим лучше, чем я – в древнекитайской грамматике.

– С вашего позволения, Алексей Кадинович, я осмотрю пациентку, прежде чем принимать решение о переводе, – с ледяной вежливостью сообщил я начальству и, обойдя его, присел на стул рядом с предметом обсуждения.

Так. Женщина, лет сорока – сорока пяти. Уже зацепка: дамы в этом возрасте, как правило, инфарктами не болеют. Бывают, конечно исключения, но уж так редко...

– Так что случилось? – поинтересовался я.

Вперёд выступил хирург и начал вещать:

– Больная Семёнова, сорока двух лет, третьи сутки после операции холецистэктомии. Послеоперационный период протекал без осложнений. Сегодня, около тридцати минут назад, почувствовала себя плохо: появился озноб, крупный холодный пот, похолодели конечности, возникло неприятное ощущение за грудиной. Чуть позже – присоединились судорожные подёргивания конечностей и психомоторное возбуждение. Около десяти минут назад потеряла сознание.

– Давление?

– Шестьдесят. Нижнее не определяется. Записали кардиограмму. Вот, – коллега протянул мне бумажную ленту.

Я быстро просмотрел её. Разумеется, ничего.

– Кто поставил диагноз: «инфаркт»?

– А что же это ещё, по-вашему?! – возмутился Гадёныч.

Ясно. Вопрос снимается. Начмед наш мнит себя гениальным диагностом и лепит инфаркт миокарда в любом неясном клиническом случае.

Что касается несчастной Семёновой, сорока двух лет, то у меня на её счёт стали вырисовываться совсем другие подозрения. Крупный холодный пот, психомоторное возбуждение перед потерей сознания, стремительность этой самой потери...

Я осторожно пощупал через закрытые веки глазные яблоки пациентки: ну, так и есть, твёрдые – будто каменные! Перевёл взгляд на капельницу, из которой что-то исправно вливалось в г-жу Семёнову:

– Что капается?

– Глюкоза с инсулином и панангин, – с готовностью ответила сестра.

Мои подозрения перешли в почти уверенность:

– Сколько инсулина?

– Шесть единиц!

– Чем набирали? – задал я коварный вопрос молоденькой сестричке.

– Ну... как чем? Шприцем! – удивилась та.

– Покажите, каким и как! – потребовал я.

– То есть? – бровки подпрыгнули под самый колпак.

– Возьмите шприц, такой же, каким вы набирали инсулин, и покажите, как именно набирали, – медленно и внятно объяснил я задачу.

Сестра вопросительно посмотрела на своего заведующего.

– Давай-давай! – подбодрил тот её.

Девушка поджала губки и засуетилась у процедурного столика. Через минуту повернулась ко мне и протянула шприц:

– Вот. Шесть единиц. Как и тогда.

По палате пронёсся дружный вздох. Я протянул руку и перекрыл краник капельницы. Чудо-лекарство перестало вливаться в несчастную Семёнову.

В шприце, который победно демонстрировала нам сестра, было шесть *миллилитров* инсулина. Миллилитров, а вовсе не единиц! Для справки: в одном миллилитре – сорок единиц инсулина. То есть, в капельницу вместо шести добрая сестричка заправила двести сорок единиц!

Пациентка, естественно, благополучно влетела в инсулиновую кому. В коей и пребывала по сей час.

– Кларочка, сделайте ей двадцать кубов глюкозы. Сорокапроцентной, – распорядился я. Впрочем, запоздало, поскольку Клара уже склонилась с полным шприцем над больной.

– Маловато будет... – задумчиво протянул Петрович, когда шприц опустел.

– Угу, – согласился я и кивнул застывшей в ожидании Кларочке, – Повторить.

Повторили. Больная Семёнова, сорока двух лет, распахнула глаза и уставилась на меня:

– Тени...

Я взял её за руку и нашупал пульс. Тот бился ровно и уверенно. Судя по всему, давление нормализовалось.

– Тени... Они пришли... – прошелестела женщина, умоляюще глядя на меня.

– Всё хорошо, голубушка, всё хорошо! – я слегка пожал её пальцы и улыбнулся, – Теперь всё хорошо.

Семёнова покачала головой:

– Нет. Вы не понимаете... Тени...

Я вздохнул. На выходе из комы такое бывает. Мозг ещё не оправился после гипоксии и отёка.

– Сто тридцать на восемьдесят! – сообщила Кларочка.

Ну что же, отлично. Мавр сделал своё дело, мавр может уходить. Я ещё раз пожал руку Семёновой и поднялся:

– Ну-с, коллеги, нам здесь больше делать нечего. Продолжайте лечить основное заболевание. А мы засим удаляемся.

– Но инфаркт... – пискнул было Гадёныч и умолк.

Я посмотрел на него мудро и печально:

– А инфаркта у больной Семёновой, сорока двух лет, нет и не было. Вы согласны, коллеги?

Коллеги замычали и закивали головами, дружно выражая согласие.

– Консилиум вынес вердикт! – торжественно констатировал я, подхватил «тревожный чемоданчик» и, сопровождаемый своей свитой, покинул палату.

– Прямо фильм ужасов какой-то: «Тени! Они пришли!» – передразнила Кларочка несчастную Семёнову, когда мы подошли к лифту.

– Сон разума рождает чудовищ! – процитировал я и улыбнулся, – Малыш, это ещё не самая странная вещь из тех, которые можно услышать от вернувшихся в наш мир коматозников. Да ты и сама знаешь.

– Знаю, – кивнула Клара, – Но всё равно – странное что-то. Интересно, что ей привиделось?

– Ну, если через часок-другой ты задашь Семёновой этот вопрос, она тебе уже сможет вполне внятно объяснить, что имела в виду. И описать свои бредовые видения. В красках, – пожал я плечами и сделал шаг назад, – Поберегись!

Вовремя! Раздался жуткий стон прибывшего лифта и массивная стальная дверь с грохотом распахнулась, пройдясь в аккурат по тому месту, где я только что стоял.

– На седьмой? – догадливость престарелого лифтёра восхищала.

– На седьмой! – хором подтвердили мы, расположившись в лифте.

И, под аккомпанимент тоскливого воя древнего механизма мы вознеслись. На седьмой.

15 июня, Западная Украина, Львов, 11—20.

– Красивый у вас город. Очень красивый! – восторженно сказала Саманта, откинув голову на плечо Петра и внимательно рассматривая раскинувшийся внизу древний Львов.

Пётр кивнул и покрепче обнял девушку. Ленивый порыв ветра взметнул её рыжие волосы и пощекотал ими лицо молодого человека. Пётр чихнул и засмеялся.

– Ты что? – Саманта обернулась и с удивлением посмотрела на него.

– Ничего. Волосы у тебя щекотные, – пояснил Пётр.

Девушка тоже улыбнулась:

– Знаешь, я ведь только недавно их отпустила. А раньше всегда коротко стриглась. Под мальчика. Представляешь?

– С трудом. Правильно сделала, что отпустила. Тебе очень идёт.

Саманта пожала плечами:

– Ну... наверное. Тебе виднее. Хотя с короткой стрижкой тоже было здорово. И забавно, – она вновь отвернулась к городу и замолчала, захваченная великолепным видом.

А посмотреть и в самом деле было на что. Из буйной зелени там и сям выглядывали бесчисленные красные черепичные крыши. Будто диковинные остроконечные грибы пробились сквозь высокую траву после солнечного дождя. Узкие старинные улочки отсюда, сверху, выглядели вовсе уж игрушечными, плотно заставленные такими же кукольными аккуратными домами. Только кресты костёлов и ратуша, гордо вздыбленная в центре города, выглядели вполне серьёзными и взрослыми.

– Сэми, я знаешь, о чём подумал? – задумчиво спросил Пётр. И сам же ответил, – Ведь вот эта картина не менялась уже несколько веков. Ну, если не считать, конечно, некоторых досадных дополнений в виде современных коробок. Но мы на них смотреть не будем, верно?

– Верно, – с готовностью согласилась девушка, – На них и смотреть-то неинтересно.

– Точно. А вот это всё, – Пётр обвёл рукой панораму города, – Это всё стоит тут уже Бог знает, сколько времени. И десять лет назад, и пятьдесят, и сто, и двести – вот тут, на этом самом месте, наверняка так же стояли пары и обнимались, глядя на город у их ног...

– И целовались? – уточнила девушка, лукаво взглянув на него.

– И целовались, конечно! Вот так... – Пётр наклонился и продемонстрировал Саманте, как целовались их предшественники.

Наступила долгая пауза. Вполне объяснимая.

– Уф... голова закружилась! – выдохнула девушка, неохотно оторвавшись, наконец, от губ молодого человека.

– Ага. У меня тоже, – подтвердил он.

– Очень красивое место. Располагает к... – Саманта пошевелила пальцами в воздухе, с трудом подыскивая нужное слово, – К романтике, вот!

– Точно. А твой русский всё лучше и лучше. Прямо на глазах.

– У меня хороший учитель, – улыбнулась девушка и прищурилась, – Как ты сказал, называется эта гора?

– Какая? – удивился Пётр.

– Ну, эта. На которой мы сейчас стоим.

– А, ты вот о чём... Высокий Замок.

– Высокий Замок... – задумчиво повторила Саманта, – Красиво. А почему так назвали?

Ответить Пётр не успел. Земля под ногами вдруг подпрыгнула высоко вверх и тут же, без остановки, ухнула обратно. Обнявшаяся пара, подброшенная взбесившейся мостовой, зависла на секунду в воздухе и обрушилась следом.

Саманте повезло: она упала на Петра, оказавшегося внизу. Но всё равно, девушка предельно ударила локтем о нехотят подвернувшийся булыжник.

– Peter! Are you o'kay? How are you? What happened? – от боли, страха и неожиданности девушка перешла на родной язык.

– Говори по-русски, Сэми! – прокричал снизу Пётр, – Я в порядке. Почти. Бок только сильно ушиб.

– Что это было?! – Саманта осторожно поднялась на ноги, прислушиваясь к собственным ощущениям. Локоть противно ныл, но всё остальное, кажется, не пострадало.

– Понятия не имею... – растерянно пробормотал юноша, тоже поднимаясь. Ему это явно давалось с трудом.

Наконец, держась за бок и пошатываясь, Пётр утвердился на ногах. Огляделся и присвистнул: молодые люди теперь стояли на дне огромной ямы метра в три глубиной. Вернее даже, не ямы, а – длинной расщелины с крутыми, почти отвесными стенами, загадочным образом образовавшейся вдруг здесь, на вершине горы.

– Питер, смотри! – Саманта больно вцепилась ногтями в его руку, указывая куда-то вверх.

Проследив взглядом за её рукой, юноша похолодел. И было, из-за чего!

Огромная телевышка, обосновавшаяся на вершине Высокого Замка, теперь сильно наклонилась в их сторону. И продолжала клониться на глазах, наполняя воздух тоскливым стоном корёжущегося металла!

– Бежим! – не раздумывая, Пётр помчался по дну расщелины прочь от падающей вышки, увлекая за собой Саманту.

Грозный скрип над их головами всё усиливался. Сверху посыпался какой-то мелкий мусор. Пока – мелкий...

– Берегись! – Пётр рванул девушку в сторону.

На то место, где она только что была, с грохотом обрушилась непонятная металлическая конструкция размером с приличный шкаф.

– Не останавливайся, Сэми! Беги! – прикрикнул юноша на ошеломлённую подругу и ускорил шаг.

Ещё один кусок гибнущей вышки упал совсем рядом. В каком-то метре от них.

– Питер! Надо в сторону бежать! Она же прямо на нас падает! – отчаянно прокричала Саманта, оглянувшись.

– Не успеем! Высоко, стены отвесные... Не успеем выбраться! Беги, не рассуждай! Ещё немного!

Металлический стон всё усиливался. Вышка неохотно наклонялась всё больше и больше, с каждой секундой ускоряя своё неумолимое движение вниз. Со звоном, будто гигантская струна, лопнула одна из растяжек, удерживающая вышку в вертикальном положении. Толстен-

ный металлический трос гигантским кнутом хлестнул по воздуху и прошёлся по старым деревьям, срезав их, будто бритвой.

Одно из них рухнуло в расщелину. Прямо перед бегущими людьми.

– Чёрт! – Пётр затормозил перед толстым стволом, улёгшимся вдоль расщелины и загородившим собой, и растопыренными ветвями, дорогу, – Сэми, придётся лезть. Только быстро!

Девушка молча кивнула и начала продираться сквозь ветки. Пётр помедлил и оглянулся: проклятая вышка уже нависала совсем близко! Какая там у неё высота? Сто метров, двести, триста? Сколько им ещё бежать, чтобы выбраться в безопасное место? И сколько времени у них осталось, прежде чем эта железная махина рухнет?

Юноша мотнул головой, отгоняя ненужные сейчас мысли и вслед за Самантой углубился в дебри ветвей поваленного дерева.

Пять секунд... Десять... Пятнадцать... Ветки зло хлестали по рукам и ногам, а бесчисленные острые сучья злобно вспарывали кожу. Не обращая на всё это никакого внимания, молодые люди неистово продирались вперёд, прислушиваясь лишь к грохоту собственных сердец, да к нарастающему стону падающей вышки.

Наконец, дерево кончилось. Вырвавшись из колючего плена, Пётр с Самантой остановились на секунду и оглянулись...

...Чтобы увидеть, как прямо на них падает металлическое чудовище! Время вышло. В немом оцепенении, взявшись за руки, молодые люди смотрели, как надвигается смерть. Понимая, что бежать уже бесполезно...

Грохот упавшей вышки заполнил собой всё. В воздух взметнулась потревоженная земля; камни, сучья и металлические обломки разлетелись во все стороны. Пыль моментально заполнила расщелину плотным удушливым туманом. Останки железной конструкции уже упокоились на земле, а сверху всё сыпалась и сыпалась какая-то труха.

...Пётр открыл глаза. Живой? Живой!

– Сэми?

– Я тут. Мы живы? – удивлённо спросила девушка, тоже открыв глаза.

– Вроде... – неуверенно ответил Пётр и взглянул на поверженную вышку.

– Как в кино... – прошептала Саманта, рассматривая нацеленный прямо в её нос острый железный штырь, венчающий телеантенну.

Всего-то руку протянуть...

*15 июня, Западная Украина, Львов,
11—35.*

Пейзаж у подножия Высокого Замка изменился самым чудовищным образом. Город уже не походил на яркую игрушку, вовсе нет. Исчезла ратуша. Исчезли шпили костёлов. Исчезли серые коробки новостроек. Будто неведомый хулиганистый великан в одночасье смахнул черепицу с крыш уцелевших домов и усеял ею мостовые.

А ещё повсюду зияли чёрные дыры провалов. В которые медленно и неохотно сползало всё, что неосторожно оказалось поблизости от них: дома, машины, деревья.

– Да что же это такое?! – в отчаянии воскликнула Саманта, размазывая слёзы по измазанным землёй щекам.

– Землетрясение... – растерянно ответил ей Пётр, не веря собственным глазам.

Минуту назад они выдрались, наконец, из злополучной расщелины, едва не ставшей им могилой. Тогда-то и увидели это страшное зрелище.

– Землетрясение?! Но почему здесь?

Юноша пожал плечами:

– Не знаю, Сэми. Но ничего другого в голову не приходит.

Будто в подтверждение его слов земля под ногами заходила ходуном.

– Оно ещё не кончилось! Бежим отсюда! – Саманта схватила Петра за руку и потянула к ступеням, ведущим со смотровой площадки вниз.

– Куда ты?

– Куда угодно, только отсюда! – девушка рванула друга так, что тот чуть не упал.

Пожав плечами, Пётр тоже помчался вниз, перепрыгивая через ступеньку. Вокруг всё шаталось: вековые деревья, густо облепившие склоны горы, трещали и отчаянно размахивали ветвями, будто взывая о помощи. Каменные ступени отплясывали какой-то неистовый танец, пытаясь увернуться от четырёх бегущих по ним ног. Иногда им это удавалось.

– Осторожно! Ногу не подверни! – Пётр едва успел подхватить Саманту, когда она, оступившись на шатающемся камне, едва не свалилась вниз с многометровой высоты.

– Я стараюсь... Ступени дёргаются! – пожаловалась девушка.

– Да тут всё дёргается! Ты всё равно под ноги смотри! – в сердцах бросил Пётр и тут же устыдился собственной резкости, – Сэми, правда, ты поаккуратнее.

Она кивнула и побежала дальше. Сзади и сверху раздался оглушительный треск. Молодые люди обернулись и, не сговариваясь, остановились.

Вершина Высокого Замка раскололась пополам. Глубокая трещина, зародившаяся, видимо, из той самой расщелины, рассекла гору ровно посередине. И продолжала углубляться, разводя половины всё дальше и дальше друг от друга.

– Shit! – забыв о приличиях, тихо выругалась Саманта.

Трещина резво ползла вниз по склону, подбираясь к застывшим в страхе молодым людям. Первым опомнился Пётр:

– Сэми, бежим! Уходим с лестницы! В сторону, на склон! – и прыгнул со ступеней на поросшую мхом скалу, – Давай ко мне!

Девушка послушалась. Теперь они бежали по наклонному скользкому камню, уходя в сторону с пути приближающейся трещины. А та была совсем близко!

– Быстрее! – Пётр увлекал Саманту за собой, стараясь не оглядываться. Но что-то заставляло его вновь и вновь бросать торопливые взгляды на приближающийся разлом.

Гора разваливалась пополам. По какой-то странной иронии трещина бежала точно по лестнице, жадно проглатывая её ступени. Вот уже на том месте, где несколько секунд назад стояли молодые люди, образовалась бездонная яма. И тут же принялась расширяться в стороны, выкусывая из скалы всё новые и новые куски.

– Сэми, не останавливайся! – прикрикнул Пётр на подругу, которая замерла на месте, зачарованно наблюдая за страшным и красивым зрелищем, – Давай за мной! В сторону и вниз!

Он рванул Саманту за руку и, уже не заботясь о том, чтобы смотреть под ноги, поволок девушку за собой.

В безумной гонке потянулись секунды. Молодые люди неслись по скользкому, содрогавшемуся каменному склону, каким-то чудом удерживаясь на ногах и даже опережая преследующий их разлом. Ближе к подножию горы им стали встречаться и другие люди: товарищи по несчастью, так же застигнутые землетрясением во время прогулки по склонам Высокого Замка. Потрясённые и испуганные, все они молча бежали вниз, к израненному городу, лишь изредка оглядываясь на неумолимую трещину, пересекающую гору всё глубже и глубже.

Наконец, склон закончился. Теперь Пётр с Самантой бежали по одной из многочисленных узких улочек старого Львова, уворачиваясь от мечущихся людей и летящей сверху черепицы с потревоженных крыш.

– Петя, стой! – девушка резко остановилась, с трудом переводя дыхание.

– Что? – от неожиданного рывка за руку Пётр чуть не упал.

– Куда мы бежим? Что делать дальше? Тут же всё, всё разрушено! – не замечая того, Саманта кричала. Впрочем, в царящей вокруг какофонии её крик был едва слышен.

– Для начала – домой. Надо узнать, что с родителями и забрать документы. И деньги. Потом – по обстоятельствам. Скорее всего, придётся выбираться из города. Судя по тому, что мы видели сверху, в ближайшие дни Львов будет просто парализован. Наверняка разрушены все коммуникации: не будет ни воды, ни газа, ни электричества. Хорошо хоть, что лето: на улице тепло.

– А куда выбираться? И как?

– В Киев. У меня там брат живёт. Двоюродный. Да и ваше посольство, опять же. Там помогут отправить тебя домой.

Саманта больно сжала руку Петра:

– Питер, я не хочу домой. Я только недавно приехала и... Тут такое случилось! Я должна быть тут, с тобой!

Он обнял девушку и прижал к себе:

– Сэми, я тоже не хочу расставаться. Но пойми, тебе безопаснее будет дома. Да и мне спокойнее. А когда всё нормализуется, я к тебе прилечу. Или ты ко мне. Идёт?

Саманта яростно затрясла головой:

– Не идёт! Я останусь здесь, с тобой!

– Вот упрямая девчонка! – Пётр улыбнулся и нажал пальцем на вздёрнутый носик девушки, – Ладно, давай пока отложим этот разговор. Надо пробираться домой. Подозреваю, что трамваи не ходят, поэтому придётся пешком. Пошли?

– Пошли! – она шмыгнула носом и, не отпуская руку юноши, быстро зашагала рядом с ним по мостовой.

Несколько минут прошли в молчании. Молодые люди торопливо шли по разрушенному городу, потрясённо разглядывая изменившийся до неузнаваемости пейзаж. В окнах редких уцелевших домов не осталось стёкол. Люди, в чём были, высыпали на улицы, старясь держаться подальше от стен. Тут и там высились груды битого кирпича, в которые превратились менее прочные здания. И на этих грудях копошились отчаявшиеся люди, пытаясь голыми руками докопаться до тех, кто остался внизу, под завалами.

– Им надо помочь! Пошли! – Саманта дёрнулась в сторону, к очередным развалинам.

– Сэми, мы не сможем помочь всем! Надо побыстрее добраться домой. Возможно, там тоже нужна наша помощь. Давай скорее! – Пётр рванул девушку за руку, увлекая за собой.

– Но... Да, ты, наверное прав. Пойдём, – она с трудом оторвала взгляд от людей, лихорадочно разбирающих развалины, и почти побежала следом.

Свернув за угол, молодые люди остановились, поражённые страшной картиной: перед ними была огромная яма в земле, в которую провалился целый квартал! Из глубины поднимались клубы пыли и дыма. И доносились разноголосые стоны и крики.

– Господи... – прошептала Саманта.

Пётр подошёл к краю провала и осторожно наклонился над ним. Дым и пыль застилали всё, не позволяя рассмотреть, что происходит на дне. И где оно, это дно.

– Уходим. Мы ничего тут не сделаем, – изменившимся голосом сказал он, – Здесь не пройти. Придётся в обход.

Девушка молча кивнула, не отрывая глаз от страшной дыры в земле.

– Сэми, ты слышишь? Уходим! – Пётр взял её за плечи и сильно встряхнул.

– Да, да... – прошелестела она и, развернувшись, побрела прочь.

Пётр помедлил секунду и зашагал следом. Опять – минуты в тягостном молчании. Молодые люди шли по улицам, усеянным битой черепицей и обломками кирпичей, не обращая внимания на царящую вокруг суету.

– Пани, раз уж мир гибнет, займёмся любовью! – к Саманте подлетел бородатый тип с безумными глазами и с ходу попытался расстегнуть её джинсы.

Пётр, не останавливаясь, сунул кулаком в челюсть бородачу. Тот отлетел в сторону и растянулся на мостовой. Но тут же вскочил и с громким хохотом помчался прочь, раскинув руки в стороны, и высоко задирая длинные ноги.

Саманта, казалось, ничего не заметила. Она всё так же молча брела по улице, не глядя по сторонам.

– Сэми, нам сюда! – Пётр взял её под руку, направляя в переулок.

Она покорно кивнула. Сюда – так сюда.

Подземные толчки тем временем прекратились. Мостовая уже не выплясывала под ногами краковяк и идти стало намного легче. Пётр ускорил шаг.

– Помоги... – хриплый шёпот раздался у самого его уха.

Юноша вздрогнул и огляделся. Никого.

– Помоги... Я тут. Внутри... – шёпот повторился.

На этот раз его услышала и Саманта:

– Питер, ты слышишь?

– Слышу. Погоди-ка... – он подошёл к окну на первом этаже дома, рядом с которым стоял, и прислушался.

– Да, здесь... Помоги... – голос доносился изнутри.

Стёкол в раме не осталось. Пётр осторожно заглянул внутрь и вздрогнул: прямо на него пронзительно смотрели глаза, наполненные болью.

Глаза принадлежали старику, лежащему на полу небольшой комнаты. Собственно, старик был виден лишь до пояса. Всё, что ниже – скрывала бетонная плита. Обрушившаяся, видимо, во время подземных толчков из потолочного перекрытия и пригвоздившая несчастного хозяина квартиры к полу.

– Зайди... Мне тебе сказать надо кое-что... И отдать... – прохрипел старик, с мольбой глядя на Петра.

– Мне? – с недоумением переспросил тот.

– Да. Скорее... нет времени! – нетерпеливо дёрнулся старик. И тут же застонал от боли, причинённой неосторожным движением.

– Хорошо. Иду, – вдруг согласился Пётр и проворно забрался внутрь.

– Питер, я с тобой! – протянула к нему руки Саманта, тоже подойдя к окну.

Юноша помог ей забраться в квартиру. Они подошли к стонущему старику: тот лежал теперь с закрытыми глазами и, казалось, был в беспамятстве.

– Сэми, помоги! Берись за другой край! – Пётр кивнул девушке на бетонную плиту, – Три, четыре!

Вместе они попытались приподнять её. Да куда там! Плита даже не шевельнулась.

– Не надо... Бесполезно... И времени нет... – старик вновь открыл глаза, – Мне немного осталось. Несколько минут может... Я чувствую.

Пётр опустился на колени рядом с головой умирающего. Рядом присела Саманта:

– Как же мы можем вам помочь? – спросила она.

Старик едва заметно кивнул:

– Можете. Только не мне. Всем...

– Как это – всем? – удивился Пётр.

– Всем, – подтвердил старик, – Часы...

– Что?

– Часы. Они пошли...

Молодые люди переглянулись в недоумении. Бредит?

– Какие часы?

– Эти, – старик слабо шевельнул рукой.

Пётр присмотрелся: высохшие пальцы сжимали какой-то предмет.

– Возьми! – пальцы разжались.

Юноша послушно протянул руку и взял то, что лежало на ладони умирающего старика.

Поднёс к глазам...

Часы. Старинные карманные часы с крышкой. На цепочке. Похоже, золотые. Довольно большие и с какой-то, необъяснимой сразу, неправильностью.

– Они пошли! – грустно повторил старик.

– Ну... часы ведь должны ходить, верно? – пробормотал Пётр, рассматривая сложный рисунок, выгравированный на крышке.

– Эти – нет! – шёпот сорвался в хриплый выкрик, – Эти – не должны! Ни в коем случае! Но пошли. Двадцать дней назад. Я должен был сразу отправиться по стрелке... Не смог... Старый стал... Болею... – печально закончил старик и умолк, переводя дыхание.

– Послушайте, э-э-э... – начал было Пётр, но запнулся, поняв, что не знает, как обратиться к странному хозяину часов.

– Велимир... – подсказал тот.

– Велимир? Очень приятно. Я – Пётр. Это – Саманта. Она из Америки, студентка. Здесь по обмену, – невесть, зачем, объяснил юноша.

Старик слегка кивнул:

– Рад познакомиться...

– Так вот, Велимир... мне кажется, будет лучше, если вы расскажете нам всё по порядку.

Пока, честно говоря, я ничего не понял. А ты, Сэми?

Девушка помотала головой:

– Абсолютно ничего.

Старик грустно улыбнулся уголками губ:

– Да, вы правы. Я расскажу. Надеюсь, мне хватит времени... Открой часы, Пётр. Там есть кнопка, сбоку.

Юноша поискал и нашёл. Нажал. Крышка с тихим звоном откинулась, открывая взору циферблат с тремя стрелками.

Станный циферблат. Там, где у обычных часов находится цифра «12», – у этих красовалось совершенно непонятное «40».

И стрелки тоже странные. Одна из них, чёрного цвета, неподвижно застыла, указывая на отметку «20». Зато две другие, золотая и серебряная, едва заметно подрагивали, словно в нетерпении.

Повинуясь внезапному наитию, Пётр повернул часы на ладони. Чёрная стрелка по-прежнему показывала на «20». Зато золотая и серебряная, дрогнув, тут же вернулись в своё первоначальное положение.

– Компас?! – невольно спросил вслух юноша.

– Нет, это не компас... – прохрипел Велимир, – Хотя... чем-то похоже.

Пётр поднёс странные часы к уху. Тишина. Никакого тиканья.

– Так они же стоят!

Старик поморщился:

– Они идут, Пётр. Увы, идут. Только там нет привычного механизма с пружинками, колёсиками и прочим... Я даже не знаю, есть ли там хоть какой-то механизм. Часы открыть невозможно.

– Но...

– погоди, не перебивай. Силы уходят, а рассказать мне нужно многое...

– Хорошо, я слушаю, – согласился юноша, поудобнее усаживаясь на полу.

Велимир прокашлялся и начал рассказ:

– Где-то здесь, в Карпатах находится ЭТО...

– Что?!

– ЭТО. Предмет, который я никогда не видел, Только знаю, что он – есть. И был всегда, с того момента, как на Земле появилась жизнь... А может быть – и раньше... Не знаю. Не знаю, откуда ЭТО взялось и как выглядит. Да и не хочу знать... – старик опять надолго умолк, тяжело дыша.

– А зачем ЭТО нужно? – тихо спросила Саманта.

– ЭТО – оберег. Он предохраняет наш мир от саморазрушения. К которому тот постоянно стремится...

– Энтропия?! – недоверчиво спросил Пётр.

Велимир запнулся и удивлённо посмотрел на него. Саманта тоже.

– Ну... энтропия – это что-то вроде естественного стремления любой системы к хаосу, саморазрушению. Причём, чем сложнее система – тем сильнее энтропия. Мы по физике проходили когда-то... – смущённо объяснил юноша.

Старик пожал плечами:

– Может быть, не знаю. Мне об ЭТОМ рассказал отец. Ему – дед. Деду – прадед... И так далее. В нашем роду знание об ЭТОМ передавалась по мужской линии из поколения в поколение. Вместе с часами...

– Зачем? – Пётр забыл о своём обещании не перебивать.

– Мы – Смотрители. Давным-давно нас назначили следить, чтобы с ЭТИМ ничего не случилось. И дали часы.

– Кто назначил?

Велимир опять пожал плечами:

– Не знаю. Тот, у кого было такое право, видимо. Я никогда не задавался этим вопросом.

– Но вы же... Вы же говорили, что никогда не видели ЭТО? И не знаете, как оно выглядит. Как же вы за ним присматривали?

– Для этого и существуют часы. Пока с ЭТИМ всё было в порядке – часы стояли. Как только ЭТО утратило свою цельность – часы пошли. И стали бить.

– Они ещё и бьют?

– Да. В полночь. Часы отбивают количество дней, оставшихся миру. Начиная с сорока. В минувшую полночь они проббили двадцать раз...

– То есть...

– То есть, через двадцать дней наш мир погибнет. Если до того времени кто-нибудь не найдёт утраченную часть ЭТОГО и не вернёт на место... – старик вновь закрыл глаза.

– Погодите, погодите... Велимир, но откуда вы знаете, что ЭТО каким-то образом утратило свою часть, а не, скажем, сгорело, затонуло, взорвалось или ещё что?

– Уничтожить ЭТО невозможно. Но – оно состоит из многих частей, соединённых вместе. Насколько я знаю. Пока части ЭТОГО рядом с друг другом – ЭТО работает. Стоит унести одну из частей всего на несколько метров – ЭТО останавливается. Зато начинают идти часы... – старик помолчал немного и продолжил, – Там три стрелки. Чёрная показывает, сколько дней осталось до конца всего. Она идёт против часовой стрелки. Золотая указывает направление на ЭТО. Серебряная показывает, в каком направлении находится утраченная часть. Двадцать дней назад золотая и серебряная стрелки смотрели в одну сторону. Теперь – сами видите...

Пётр мельком взглянул на циферблат: стрелки смотрели в разные стороны, образуя тупой угол.

– Пётр, мне некому было передать знание об ЭТОМ. Так уж вышло: детей у меня нет. А сам я не могу пойти по стрелке... даже если бы не эта проклятая плита – всё равно бы не смог. Старый стал... Возьми часы, мальчик. Иди по серебряной стрелке... Найди утраченную часть и верни её... Больше – некому, – Велимир прикрыл глаза и умолк, тяжело дыша.

Юноша ошарашенно глядел на часы в своей руке. Золотая и серебряная стрелки нервно дрожали, а чёрная неумолимо-спокойно указывала на «20». Двадцать дней... Столько осталось миру? Всему? А что потом?

– А что потом? Как это произойдёт? Как всё погибнет? – вслух повторил Пётр мысленные вопросы.

– Не знаю точно... По Земле прокатятся сильнейшие землетрясения, наводнения, ураганы и прочие природные катаклизмы. Сегодняшнее землетрясение – только начало. Наверняка что-то подобное случилось нынче и в других частях планеты. Возможно, ударит метеорит. Может быть, случится ядерная катастрофа. Или всё это вместе. Ты должен понять – через двадцать дней всё закончится. Земля погибнет... – старик перевёл дыхание, – Но процесс её разрушения уже начался. И с каждым днём будет нарастать. Будут гибнуть люди: десятки, сотни тысяч... миллионы. Нельзя терять времени, Пётр. Ни минуты. Иди по стрелке...

– Питер, ты должен идти, – прошептала Саманта в наступившей тишине, – Мы должны идти.

Она сидела, обняв себя за плечи и глядя огромными глазами на друга. Как-то сразу повзрослев.

Пётр замер, поражённый. Услышанное не укладывалось в его сознании. Мир гибнет и он, студент четвёртого курса Львовского политеха – единственный, кто может спасти обречённую планету?! Кино, да и только... Армагеддон – 2.

Но странные часы в руках были вполне материальны. Как и развалины за окном, в которые в считанные минуты превратился его родной город. Как и хрипящий старик, придавленный бетонной плитой и доживающий, вероятно, последние минуты. Или даже – секунды.

– Всё – правда, мальчик, – прошептал Велимир, уловив его сомнения, – Всё – правда. Тебе придётся пойти по стрелке.

Пётр кивнул. Он и сам уже понял, что – пойдёт.

– Но... как я пойму, что передо мной – часть ЭТОГО? Если найду... вернее, когда найду? Ведь я же не знаю, как выглядит то, что буду искать.

– Часы... Когда ты окажешься рядом с ЭТИМ или его частью – часы начнут бить. И прекратят лишь тогда, когда ты коснёшься того, что искал.

– Круто... – пробормотал юноша, разглядывая часы в своей руке.

Теперь он понял, какая неправильность в их форме резанула поначалу глаз: у часов не было заводной головки. Да и понятно, почему.

– Велимир, скажите... Стрелки ведь указывают только направление, верно? А как узнать расстояние до цели? – поинтересовалась Саманта.

Пётр встрепенулся и с улыбкой посмотрел на подругу: молодец, девочка! Как он сам-то не догадался спросить?!

– Не знаю... – Велимир пожал плечами, – Этого я не знаю. Думайте. Наверняка есть какой-то способ. Только его надо найти...

Пол вдруг зашатался. Стены старого дома жалобно затрещали и заметно задёргались. Сверху посыпалась труха.

– Опять! Уходите, скорее! Дом может рухнуть в любую секунду! – собрав последние силы и приподнявшись на локтях, закричал старик.

– Но... – начал было Пётр, вскочив на ноги, но Велимир не дал ему закончить:

– Бегите! Мне вы уже ничем не поможете! Бегите, чтоб вас...

– Он прав, Питер! Уходим! – Саманта нагнулась над стариком и быстро поцеловала его в щёку – Прощайте, Велимир. Бог с вами.

Вскочила и легко выпрыгнула в окно. Пётр ринулся за ней, но, уже взобравшись на подоконник, задержался на мгновение и обернулся.

Старик всё так же лежал, приподнявшись на локтях, и – улыбался. Губы его шевелились. Пётр прислушался – сквозь треск и грохот рушащихся стен с необыкновенной ясностью прорвался шёпот старика:

– Иди по стрелке, мальчик. Ты сможешь...

Через секунду Пётр уже бежал рядом с Самантой по узкому, пляшущему под ногами переулку, уворачиваясь от летящих сверху разнокалиберных обломков. Громкий треск сзади заставил молодых людей обернуться.

Дом, который они только что покинули, вдруг неловко дёрнулся, замер на мгновение в неестественном каком-то положении, – и неторопливо осел на землю невысокой кучей битого кирпича.

– Прощай, Велимир... – прошептала Саманта, больно вцепившись в руку друга.

– Прощай, Смотритель! – Пётр на миг склонил голову. И посмотрел на часы.

Чёрная стрелка по-прежнему показывала на «20».

15 июня, Нероград, отделение кардиореанимации, 13—45.

Городской телефон истерично заверещал. Я поморщился и снял трубку:

– Реанимация.

– Здравствуйте. Суханов жив ещё? – с плохо скрываемой надеждой на отрицательный ответ спросили на том конце провода.

Я вздохнул. За долгие годы работы здесь нетрудно было научиться определять степень любви родственников к болящему. По тому, как те о нём справляются.

– Простите, а кем вы ему приходитеесь? – поинтересовался я.

– Зятем, – угрюмо ответствовала трубка.

– Состояние тяжёлое, но стабильное, – выдал я привычную формулировку.

– Это как? – в голосе зятя теперь читалось разочарование.

– Состояние остаётся тяжёлым, но без тенденции к дальнейшему ухудшению, – расшифровал я.

– То есть – не помрёт? – не унимался заботливый зятьёк Суханова.

– Почему же? Помрёт когда-нибудь. Как и все мы, – успокоил я его.

Пауза. Трубка тяжело сопела мне в ухо. Я терпеливо ждал: делать всё равно пока было нечего.

– А когда именно? – сформулировал, наконец, главный вопрос зять.

– Когда придёт его время, – философски ответил я. Разговор уже начал навевать на меня скуку, – Приём передач – через справочное отделение. С шестнадцати до девятнадцати. Всего доброго.

И, не дождавсь ответа, брякнул трубку на аппарат. Дремлющий на столе Петрович подскочил и вопросительно посмотрел на меня.

– Спи спокойно, дорогой товарищ! – ласково улыбнулся я ему.

– Не вызов?

– Нет. Добрые родственнички тревожатся.

– А-а... – протянул Ванька и опять прильнул к столу.

Я встал и подошёл к окну. Какая-то неясная мысль царапала сознание. Что-то шло не так. Вот только – что именно?

Пытаясь определить источник непонятной тревоги, я распахнул окно и уселся на подоконник. Отсюда, с нашего седьмого этажа, открывался неплохой вид на небольшой лес и излучину Урала вдалеке: больница стояла на окраине города и поэтому урбанистические пейзажи наши взоры не раздражали.

Вдалеке, за Уралом, висела огромная чёрная туча. Занимая собой пол-неба, она неприятно клубилась где-то внутри себя, периодически озаряясь сполохами молний. И, кажется, ползла в нашу сторону. Судя по духоте, царящей снаружи, грозы было не избежать

Но тревожило меня вовсе не приближение ливня с громом и молниями. Что-то другое...

Вот оно! Осенённый догадкой, я спрыгнул с подоконника. Михалыч! Как-то подозрительно долго он не возвращается из своих палат...

Небольшое отступление. Михалыч (Виктор Михалыч, если полностью) – третий врач из нашей сегодняшней бригады. Самый молодой и самый... гм, инициативный, что ли. Ну да, пожалуй, это самое точное определение...

Видите ли, есть старое доброе врачебное правило: не навреди. Иными словами, твоё лечение не должно принести пациенту больший вред, чем его болезнь. Придумано давным-давно и не нами, но по сей день – закон. Очень правильный, следует заметить.

К этому закону есть великое множество правил попроще, нацеленных всё на то же – не навредить. Мы в своём отделении свято придерживаемся трёх следующих:

Если лекарство можно не назначать – его не нужно назначать.

Если манипуляции можно избежать – её нужно избежать.

Если после двух попыток манипуляция не удалась – третью попытку отдай коллеге.

А манипуляции у нас бывают разные и практически все – связанные с втыканием в организм пациента всякого рода острых металлических предметов, а потому – весьма для этого самого организма небезразличные. И, честно говоря, небезопасные. Как, впрочем, и большинство наших лекарств.

Поэтому три золотых правила мы чтим и неуклонно им следуем. Все, кроме Михалыча. Ну, вот нравится ему бурная деятельность. Даже немотивированная. Экшн, так сказать.

Случаев, когда наш юный коллега демонстрировал свою неумную тягу к рукоблудию (термин Витаминаыча, нашего заведующего, – означает нездоровое стремление доктора во что бы то ни стало сделать что-то с пациентом руками, вместо того, чтобы подумать головой) – не счесть. Вот, к примеру: из последнего, так сказать.

Дежурили мы неделю назад втроём: Михалыч, Витаминаыч и я. Всё шло относительно благополучно, пока в палату к Михалычу не поступил новый больной. Наш чудо-доктор привычно натянул колпак с маской – и отправился в палату принимать пациента. В том числе – ставить ему катетер в подключичную вену.

Мы с шефом спокойно занимались своими делами. Как говорится, – ничто не предвещало...

...Пока через час (!) в ординаторскую не вошла сестричка из палаты Михалыча и, потупясь, предложила нам зайти к новому пациенту.

– А что случилось? – хором поинтересовались мы с шефом.

– Ну... Мне кажется, вам нужно там быть! – загадочно ответила сестра.

Витаминаыч пожал плечами и направился к выходу из ординаторской.

– Я нужен? – поинтересовался я, не особо желая отрываться от накопившейся за день писанины.

– Да справлюсь, наверное, – самоуверенно заявил Витаминаыч и исчез.

Вернулся шеф довольно быстро. И принялся молча нарезать круги по ординаторской, выкуривая одну «Приму» за другой. Без остановки.

Немного зная привычки Витаминаыча, я терпеливо и молча ждал. С интересом наблюдая, как едкий дым красивыми клубами заполняет тесное помещение.

Успокоился шеф лишь на пятой сигарете. И коротко сообщил причину своего душевного раздвоя:

– Михалыч подключичку ставил!
– Бывает, – кивнул я головой, – И что?
– Палыч, не поверишь! Семнадцать дырок! – Витаминыч вцепился руками в собственные волосы, – И все – справа!
– О.....ть! – потрясённо прошептал я.
– Представляешь, я, когда дырки увидел, – первая мысль была: гномик из автомата Калашникова стрелял. Маленького такого... Очередью! – не отпуская волосы, шеф принялся раскачиваться из стороны в стороны, – Палыч, может его побить, а?
– Не поможет, – вздохнул я, – Лёгкое проткнул?
– Опять же, не поверишь: не проткнул! – Витаминыч вскочил и вновь принялся метаться по комнате.
– Мастер! – восхитился я.
– Убью! – возразил шеф и выскочил в коридор.
Откуда долго ещё потом доносились неясная возня и сдавленные крики...

Теперь понятна моя сегодняшняя тревога: Михалыч ушёл к своим больным уже давно. Очень давно: больше часа назад. И до сих пор не возвращался. Ох, не к добру...

Иллюстрацией к моим тревожным мыслям загорелась и заморгала лампочка на нашем «горевестнике» – табло над дверью ординаторской. Пронзительно зазвенел звонок.

Мигала лампочка под номером «3». Палата Михалыча.

– Петрович, подъём! В «тройке» – клиническая смерть!

В несколько секунд мы пронеслись по коридору и влетели в палату.

– Остановка дыхания! – коротко пояснила сестра, склонившаяся у синееющего тела.

– Ромин?! Какого? – успел удивиться я, прилаживая дыхательную маску к лицу умирающего.

Ну, уж от этого-то я никак не ожидал ничего подобного! Молодой мужик, тридцати с чем-то лет, к нам поступил на плановое восстановление сердечного ритма. Случилась с ним мерцательная аритмия на фоне усталости и перепоя. Бывает у молодых, чего уж там. Ритм мы ему, конечно, восстановили. И сегодня, ближе к вечеру, планировали перевести в кардиологию.

Остановку дыхания Ромин выдать ну никак не должен был! Тем более, что... Я присмотрелся и выругался про себя: пациент, похоже, был в полном сознании! Таращился выпученными испуганными глазами и переводил вполне осмысленный взгляд с меня на Петровича и обратно. Но не дышал!

– Ритм синусовый, сто в минуту. Давление сто сорок на восемьдесят! – сообщил Ванька.

Отлично. Но откуда – остановка дыхания?! Ладно, потом разберёмся:

– Ларингоскоп, трубку! Готовьте вентилятор.

Качнув несколько раз «гармошку», я отнял маску от крайне удивлённого лица несчастного Ромина и быстренько утановил ему в трахею трубку. Петрович потыкался в кнопки аппарата искусственной вентиляции лёгких – тот ритмично запыхтел. Я подсоединил переходник к трубке:

– Кислород добавь! Синеват клиент...

Покончив с первоочередными задачами, мы с Петровичем задумчиво застыли над Роминим. Тот всё так же удивлённо созерцал нас немигающим взором.

– Палыч, мне кажется, или он в сознании? – поинтересовался Ванька.

– Не кажется. В сознании, – буркнул я.

– А хорошо ли это?

– Нехорошо.

И в самом деле: в полном сознании лежать с трубкой в трахее на искусственном дыхании – ощущения не из радостных!

– Глушим? – шёпотом спросил Петрович.

– Угу, – так же тихо ответил я.

Понимающая сестра уже была рядом с полным шприцем и вопросительно смотрела на меня. Я кивнул:

– Валяйте, чего уж там...

Поршень резво затолкал прозрачную жидкость в вену. Глазки несчастного Ромина закатились и он забылся глубоким медикаментозным сном. Вот и славно.

– Что здесь случилось? Чего это вдруг клиент дышать перестал? – покончив с первоочередными задачами, я приступил к расследованию.

– Виктор Михалыч... – понурившись, пробормотала сестра.

– Свят, свят, свят! – Петрович истово перекрестился.

Я напрягся: что на этот раз?

– Так: медленно, с чувством и подробностями. Начинаем излагать.

Сестра глубоко вздохнула, печально посмотрела на меня и приступила к рассказу. По мере приближения к развязке, наши с Петровичем лица становились всё длиннее и длиннее. Было, отчего...

Итак, Михалыч явился с обходом в палату и с порога окинул орлиным взором своих подопечных. Коих было два экземпляра: уже знакомый нам Ромин (молодой, бодренький и почти здоровый) – слева; и пациент с инсультом, без сознания, на аппаратном дыхании – справа. Диспозицию следует запомнить – это важно!

Ромин имел неосторожность пожаловаться на бессонницу: дескать, всю ночь не спал, да и днём не случилось. Нельзя ли что-нибудь с этим сделать?

Михалыч благосклонно кивнул и обратил свой взор на второго пациента. Тот ни на что не жаловался: по причине отсутствия сознания. Зато вёл себя неправильно: изредка пытался дышать сам, мешая чёткой работе «вентилятора» (аппарата искусственной вентиляции лёгких). В таких случаях обычно вводится инспирон (*Название препарата вымышленное, механизм действия и эффект – реальные. Прим. автора*). Который парализует всю мускулатуру, в том числе и дыхательную. Дыхание при этом, естественно, останавливается.

В мозгу Михалыча сформировался чёткий клинический план: клиенту слева назначить реланиум, чтобы поспал, а тому, который справа – инспирон. Чтобы не дышал, коль уж за него это делает аппарат. Пока всё правильно и обоснованно.

Ужас начался потом. Михалыч *развернулся* на сто восемьдесят градусов к сестричке, пост которой находился за его спиной, у входа в палату. И, точно помня, что по правую руку у него – тот, что на «вентиляторе», а по левую – тот, которому поспать бы, распорядился:

– Этому (махнув большим пальцем левой руки за спину) реланиум, а этому (правый большой палец указал на ничего не подозревающего Ромина) – инспирон!

И торжественно покинул палату с чувством выполненного долга.

Сестра, естественно, бросилась выполнять назначения доктора. Сначала она вкатила реланиум пациенту на «вентиляторе». Тот, поскольку был без сознания, эффект оценить не смог.

А вот Ромин – смог. С блаженной улыбкой он наблюдал, как сестра вводит ему в вену лекарство. В предвкушении глубокого и спокойного сна с цветными, радостными сновидениями...

Сон почему-то не пришёл. Вместо него явился кошмар: несчастный Ромин вдруг с удивлением понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ни чем-либо ещё. И, что самое удивительное, – не может вздохнуть!

Впрочем, удивлялся клиент недолго. Потому что начал задыхаться и, естественно, синеть. Обнаружив нездоровую окраску пациента, сестра встревожилась и нажала «тревожную» кнопку. Дальше вы знаете...

–ь! – потрясённо прошептал Петрович и уселся на сестринский столик. Тот подозрительно затрепал.

– Абсолютно согласен с коллегой! – кивнул я и сурово уставился на сестру, – А вы-то куда смотрели?

Она потупилась:

– Так ведь доктор назначил...

– Она права, Палыч! – Ванька сполз со столика и подошёл ко мне, – Доктор сказал – сестра сделала. Иначе бардак получится. Пошли лучше Михальча искать. Кстати, где он?

Сестра открыла было рот, чтобы ответить... да так и застыла, глядя испуганными глазами куда-то за наши с Петровичем спины. Мы обернулись.

Несмотря на середину дня, за окном заметно потемнело. Солнце, до этого нещадно палящее и выжигающее в нашем степном краю всякую поросль, теперь скрылось за огромной, иссиня-чёрной тучей. Той самой, которая совсем ещё недавно висела далеко за рекой.

Сама туча подползла почти вплотную к больнице. И видоизменилась: из её нижнего края вдруг вырос правильный чёрный конус и, ввинчиваясь в воздух, удлиняясь и расширяясь на глазах, потянулся к земле. В считанные секунды чёрное остриё ткнулось в степь, взметнув огромный куст пыли. Который, бешено вращаясь, принялся взбираться вверх по чёрной странной «ноге», выросшей из тучи.

Вся эта удивительная конструкция быстро расширялась и вращалась всё стремительнее. И приближалась! Вот она достигла реки и на какое-то время изменила цвет с чёрного на сероседой, всосав в себя воду из Урала и подняв её к самой туче. Впрочем, ненадолго: за несколько секунд вращающееся чудовище перешагнуло реку и коснулось небольшого перелеска. Вырванные с корнем деревья взметнулись в воздух и закружились в странном и страшном танце, поднимаясь всё выше. До нас донёсся низкий угрожающий рёв.

– Палыч, это что, – торнадо?! – недоверчиво спросил Петрович.

– Наверное... По крайней мере, очень похоже, – не веря своим глазам, пробормотал я.

А смерч набирал силы. Его конус всё утолщался, вбирая в себя тонны пыли, земли, да и всего прочего, что попадалось на пути. Выдрав несколько телеграфных столбов, чёрная воронка добралась до ажурной вышки ЛЭП и легко подняла, закрутила её, предварительно смяв, будто спичечную. Бешено вращающаяся чернота озарилась изнутри синими сполохами: это искрили оборванные высоковольтные провода.

В палате раздался противный писк: лишённые электропитания, остановились «вентиляторы», дышащие за наших пациентов. Вернее, дышавшие...

Впрочем, ненадолго. Через пару секунд включилось автономное питание и аппараты вновь старательно запыхтели.

– Петрович, он идёт прямо на нас! – отмер я, – Надо эвакуироваться! Срочно!

В подтверждение моих слов в коридорах больницы взвыла сирена. Ну точь-в-точь, как на прошедших недавно учениях по гражданской обороне. Только теперь опасность была вполне реальной.

– Внимание, объявляется эвакуация! Всем немедленно спуститься в бомбоубежище! Персоналу обеспечить эвакуацию лежачих больных! Соблюдайте спокойствие и порядок! Это не учения! Повторяю: это не учебная тревога! – тревожно заорало больничное радио.

В палату ворвалась Кларочка:

– Паша, ты видел? Там торнадо! – в волнении она даже забыла о нашей договорённости обращаться друг к другу на работе по имени-отчеству и на «Вы».

– Видел, малыш, видел! – мне тоже было не до условностей, – Надо эвакуировать больных. Начинаем отсюда. Отключаем клиентов от ИВЛ, переводим на ручное. Вы с Надеждой.., – я кивнул на всё ещё пребывающую в испуганном оцепенении сестру, – ...Будете дышать «гармошками», а мы с Петровичем – катить кровати. Спустимся в убежище – оставим вас там, пока всё не закончится. Сами вернёмся за следующими. Чёрт, где Михалыч?!

– Я тут! – в палату влетел наш чудо-доктор.

– Отлично. Займись пока пятой палатой: там двое, оба в сознании. Найди сестру, там сегодня Людмила, и катите с ней больных к лифтам. Каждый – по кровати.

Михалыч кивнул и испарился. Через секунду в соседней палате загромыхали, выкатываясь, койки.

– Пальч, мы не успеем! – покачал головой Петрович.

– Что?!

– Спуститься не успеем. Смотри! – он показал рукой в окно.

Я проследил взглядом – и почувствовал, как по спине пробегает неприятный холодок.

Смерч не просто приближался: он мчался напрямиком на нас, взметая в воздух всё, что попадалось ему на пути. В вихре мелькали деревья, столбы, какие-то плоские ошметки... Присмотревшись, я с ужасом увидел, как в безумной круговерти пронеслись пара автомобилей и несколько раскоряченных человеческих тел. Прав Петрович: спуститься в убежище мы не успеем!

– Вот чёрт... – прошептал я, не в силах оторвать взгляд от страшного зрелища.

– Минуты три осталось, не больше! – Петрович схватился за спинку кровати с Роминым, – Поехали, чего ждём? Надя, бери «гармошку» и дыши давай!

– Едем, живо! – Я вцепился в другую кровать. Там разберёмся, где укрыться. В палате, определённо, оставаться нельзя: смерч шёл напрямиком сюда.

В несколько мгновений мы пронеслись по нашему отделению и выехали в соседнюю кардиологию. В конце длинного коридора виднелась небольшая толпа больных, которых здешние врачи сгоняли к лестнице. Чуть ближе к нам в глубокой задумчивости остановились Михалыч с Людмилой. Койки с их пациентами аккуратно выстроились вдоль стены.

– Вы чего? – мы подбежали к ним и тоже затормозили.

– Там пробка. А лифты, похоже, не работают, – обрадовал нас коллега.

Я посмотрел в конец коридора: Михалыч прав. Вот чёрт, влипли!

– Паша, а ведь мы можем тут остаться, – сказала вдруг Кларочка, не переставая качать «гармошку».

– То есть?!

– Ну, смотри: коридор глухой, окон здесь нет. Только двери в палаты. Здесь мы в безопасности... кажется.

То-то и оно, что – «кажется»! Но выбора у нас не оставалось: рёв торнадо стремительно нарастал.

– Ладно, оставляем больных тут. Вот сюда, в закуток закатываем! – я затолкал «свою» койку в широкий простенок, неведь зачем придуманный проектировщиками больницы.

Коллеги последовали моему примеру.

– Пальч, у нас в отделении ещё трое остались! – напомнил Ванька.

– Знаю. Бежим за ними!

Втроём с Михалычем и Петровичем мы ринулись обратно в реанимацию. Забежали в седьмую палату, схватили койки с перепуганными больными и потащили в коридор.

Уже на выходе я бросил взгляд в окно. Смерч заполнил собой всё видимое пространство, наползая на больницу. В вертящейся черноте снаружи мелькали захваченные вихрем пред-

меты, но пронеслись они так быстро, что рассмотреть их не было никакой возможности. Одно было ясно: ещё несколько секунд – и торнадо ударит по больнице!

– Быстрее! Времени нет! – Я посильнее толкнул кровать и перешёл на бег.

Через пару мгновений мы уже были в спасительном простенке. С трудом затолкав туда все кровати, мы бесцеремонно забрались на них, потеснив изумлённых и испуганных пациентов.

– Спокойно! На больницу идёт торнадо. Держитесь, кто за что может и друг за друга! – крикнул я, с трудом перекрывая рёв бушующего за стенами вихря.

Раздался дружный перезвон бьющихся стёкол. Смерч, видимо, коснулся стены больницы. Вой ветра тут же усилился в десятки раз.

Двери палат с одной стороны коридора разом распахнулись вовнутрь. И в них, будто в чудовищный пылесос, начало со свистом засасывать воздух из коридора. Вместе со всем, что там находилось...

Я почувствовал, как меня тянет назад, пытаюсь оторвать от Кларочки и Ромина, на которых я навалился всем телом, прижимая к кровати.

– Держитесь! Не отрывайтесь друг от друга! Это должно скоро закончиться! – сдавленно прохрипел откуда-то сбоку Петрович.

Я косил глаза: Ванька точно так же, как я, придавил собой «инсультника» и Надежду. Ну, ему-то проще, весу в моём приятеле было раза в полтора поболее, чем во мне. Да и то – видно было, что удержаться на месте и не улететь стоило Петровичу немалых трудов.

Чуть дальше, в глубине нашего закутка, слабо копошилась «куча мала» из Михалыча, Людмилы и остальных пациентов. Вцепившись друг в друга и в кровати, люди сплелись в абсурдный клубок. Который в других обстоятельствах выглядел бы забавно...

Но сейчас было не до смеха. Вновь зазвенели битые стёкла и дружно хлопнули двери: смерч «перешагнул» здание больницы и теперь высасывал её содержимое с другой стороны тоже.

Тяга чудовищного «пылесоса» возросла вдвое. Меня подняло в воздух и рвануло назад, в коридор. Я едва успел вцепиться обеими руками в спинку койки.

– Пашка, миленький, держись! – Кларочка одной рукой схватила меня за пояс и изо всех сил дёрнула вниз.

Штаны опасно затрещали, но зато я плюхнулся животом обратно на своих подопечных.

– Малыш, отпусти! Держись сама! Обеими руками держись! – прикрикнул я на неё.

Девушка, стиснув зубы, замотала головой. Вот ведь упрямица!

Новый порыв ветра вновь взметнул меня над кроватью, будто бельё на ветру. Или гордо реющий стяг. Последнее сравнение понравилось мне куда больше. Господи, какая же чужь лезет в голову в такие моменты!

– Отпусти меня, кому сказал! – прорычал я, болтаясь в воздухе над Кларочкой и с ужасом наблюдая, как медленно соскальзывают со скользкой металлической спинки кровати её пальчики.

Она испуганно взглянула на меня полными слёз глазами. Открыла было рот, чтобы что-то сказать... – и в этот момент её рука сорвалась.

Лёгкое тело девушки, увлекаемое мощным воздушным потоком, стремительно понеслось подо мной в сторону коридора. Отчаянно ругнувшись, я едва успел одной рукой поймать Кларочку за ворот. Теперь мы оба трепыхались на ветру, уцепившись за кровать лишь одной рукой. Моей.

– Хватайся за меня! Руками, ногами, всем! – прохрипел я, из последних сил стискивая немеющими пальцами металлическую дугу.

Кларочка послушалась. Она цепко обхватила меня руками и ногами, прижавшись всем телом. Стало чуть легче: ненамного, но всё-таки...

Поглядев вниз, я с тоской увидел, как подо мной синееет многострадальный Ромин: Кларочку унесло и качать «гармошку» стало некому. Потерпи, бедняга, должно же это когда-то закончиться!

Да только вот не кончалось. Наоборот, ветер усиливался, буквально высасывая всё из коридора и нашего сомнительного убежища. Новый порыв – и, даже не успев удивиться, я понял, что лечу. Вместе с Кларочкой!

Нас вынесло в коридор, с размаху больно ударило о противоположную стену, протащило несколько метров по ней – и всосало в жадно распахнутую дверь палаты. Всё это – в какие-то мгновения. Я даже испугаться не успел.

Зато успел зацепиться рукой за дверной косяк. И теперь мы болтались на ветру уже в палате. Всего в нескольких метрах от зияющего окна, за которым буйствовал смерч.

– Пашка, отпусти меня! – прокричала Кларочка, – Двоим не удержаться!

– Чёрта с два! Держись! – проскрипел я сквозь зубы, цепляясь одной рукой за косяк, другой – за Кларочкин ворот. Героиня, тоже мне... «Брось меня, комиссар!»

Злость неожиданно придала мне сил. Я посильнее сжал пальцы: кажется мне, или на самом деле напор ветра уменьшился?

Не показалось. Через мгновение мы с Кларочкой с высоты полутора метров грохнулись на пол. В палате внезапно воцарилась звенящая тишина.

– Что это?! – потираяшибленный бок, простонала девушка.

– Смерч дальше ушёл, – объяснил я, не вполне веря, что всё закончилось.

После воя ветра тишина стояла такая, что я поневоле поковырял мизинцем в ухе, пытаюсь достать оттуда несуществующую вату.

– Ты цела? – я принялся ощупывать Кларочку. Слава Богу, кажется, с ней всё в порядке.

– Да всё нормально! – отмахнулась она, улыбнувшись. И тут же посерьёзнела, – Ромин!

Мы вскочили и выбежали в коридор. В простенке, послужившем нам укрытием, была заметна какая-то возня.

– Палыч, Клара?! Живые?! А мы-то уж думали! – Петрович широко улыбался, сидя на койке у Ромина и качая «гармошку».

– Не дождётеесь! – буркнул я и окинул взглядом личный состав, – Все целы?

– Все! Унесло только вас. Кстати, как вам спастись удалось? – поинтересовался Ванька.

– Моё ноу-хау. Потом как-нибудь напишу монографию: «Пять возможностей выжить в торнадо или Цепкие пальцы виртуоза», – съёрничал я, – Петрович, хватит болтать, покатали больных обратно в отделение. Подозреваю, что сейчас реанимация будет пользоваться повышенным спросом.

– Это точно, – вздохнул приятель.

И мы поехали обратно.

15 июня, Нероград, отделение кардиореанимации, 14—05.

Отделение сильно смахивало на непокорённый Сталинград. Маленький такой. Под ногами неприятно хрустело битое стекло, практически всё оборудование, видимо, улетело в разбитые окна. Осталась лишь парочка «вентиляторов», да ещё наши «тревожные чемоданчики» каким-то чудом удержались на своих законных местах в коридоре.

– Опупеть! Хиросима просто... Чем работать-то? – озадаченно спросил Петрович.

Эхо заметалось в опустевших палатах и вылетело в окно.

– Ладно, разберёмся. Надо для начала вентиляторы проверить. Не будем же мы до скончания века ручками «гармошки» качать! – вздохнул я и направился к ближайшему агрегату.

К счастью, оба оставшихся аппарата работали. Быстренько подключив их к нашим бездыханным клиентам, мы с коллегами отправились изучать обстановку. Она была безрадостной:

все три палаты по правой стороне оказались вылизанными смерчем практически начисто: даже битое стекло, которого в коридоре на полу было полным-полно, здесь почти не встречалось.

Зато в ординаторской нас ожидало чудо. Потому что иначе то, что мы увидели, войдя внутрь, не назовёшь. Минуты три, не меньше, мы стояли на пороге с открытыми ртами, не решаясь поверить своим глазам.

Здесь ничего не изменилось! То есть – совсем ничего! С того самого момента, как мы с Петровичем пулями вылетели отсюда, подстёгиваемые тревожным звонком. Будто и не было страшного вихря, высосавшего содержимое всей больницы в целом и нашего отделения в частности.

Даже история болезни, которую я оставил на столе, так и осталась лежать открытой на той же странице.

– Эт-то к-как? – от изумления Петрович начал заикаться.

– А я знаю? – исчерпывающе ответил я и на всякий случай протёр глаза.

Картина не изменилась: наша ординаторская по-прежнему являла собой очаг мира и спокойствия в царящей вокруг разрухе. Будто перенесённая сюда из какого-то другого измерения, в котором недавнего торнадо не было и в помине.

Михалыч прошёл к окну и осторожно потрогал стекло:

– Целое! Надо же! Аномалия какая-то...

Громко заверещал местный телефон. Мы вздрогнули, стряхивая наваждение. Я снял трубку:

– Реанимация.

– Палыч, ты? Живой? Как у вас там, наверху? Здесь у нас штаб чрезвычайной ситуации образовался, оцениваем обстановку. Доложи потери! – голос доктора Симакина из приёмного отделения был непривычно взволнованным. Да и немудрено.

– Потерь нет, все живы. На время бедствия эвакуировались в кардиологию, теперь вернулись. Оборудование почти всё сдуло. В наличии остались лишь два рабочих ИВЛ, оба заняты. Наборы для экстренной помощи целы, так что боеспособность реанимационной бригады сохранена. Что по больнице?

– Хреново по больнице. Большие потери: есть погибшие, ещё больше – пропали без вести. Унесло, то есть. Раненых полно, по большей части лёгкие. Порезы, ушибы. Но пока ещё не всю информацию собрали, так что всё возможно... – грустно сообщил Симакин.

– Реанимация нужна кому-нибудь? Зовите, если что, хирурги ведь зашьются сейчас.

– Пока справляются. Думаю, минут через десять пойдёт веселье: из города начнут раненые поступать. Вот тогда и для вас работа найдётся.

– Связь с городом есть? Как смерч прошёл? Разрушения большие?

– Внешние телефоны не работают. Сотовые тоже. Только радиосвязь со «Скорой». Говорят, торнадо прошёлся по самому центру, много разрушений и жертв. Кстати, всё ещё продолжается. Вам что там, наверху, не видно?

Забыв, что коллега меня не видит, я покачал головой:

– У нас окна на другую сторону.

– Так зайдите в «десятку», – посоветовал Симакин и отключился.

И в самом деле! У нас же ещё есть десятая палата: так называемая «люксовая». Потому что одноместная. И её окна глядят в аккурат на город!

– Михалыч, оставайся здесь, будешь дежурным по телефону: в приёмном покое ожидается массовое поступление пострадавших, – скомандовал я и направился к выходу, – Петрович, пошли со мной.

Мы пересекли коридорчик и ворвались в «десятку». Первым делом я поглядел в окно: в пустой раме, словно в телевизоре, хорошо был виден удаляющийся смерч. Теперь он судорожно плясал посреди города.

– По самому центру идёт... – прошептал Ванька, больно вцепившись мне в плечо.
Я промолчал в ответ. Зрелище гибнущего города разом выбило из меня все слова и мысли. Просто стоял и смотрел, как вдалеке в чёрном вихре исчезают дома...

– Останови... – раздался хрип у моих ног.

От неожиданности я вздрогнул и шарахнулся назад, налетев на Петровича.

– Ты чего? – взвыл он, выдернув из-под моей ноги свою. На которую я и отпрыгнул.

Вместо ответа я показал рукой вниз. На полу, скрючившись в «позе эмбриона», лежало окровавленное тело. Оно слабо шевелилось и тянуло ко мне руку:

– Останови... Его надо остановить...

– Кого? – машинально спросил я, присаживаясь на корточки над неожиданным гостем.

– Пальч, это кто? – засопел над ухом Ванька.

– Понятия не имею, – отмахнулся я и осторожно тронул за плечо лежащего, – Вы кто? Говорить можете? Как сюда попали?

– Могу... – прохрипел в ответ незнакомец, – Смерч...

– Что?

– Смерч сюда... принёс. Меня... Мы в машине были...

Петрович тихо присвистнул. Я тоже – про себя. Это ж надо: нашего гостя выдернуло из машины, протащило по воздуху Бог знает, на какое расстояние и швырнуло в окно нашего отделения... на седьмом этаже! И, что самое удивительное во всей этой истории, – человек остался жив!

Кстати... Жив-то он жив, да надолго ли? Вот сейчас и оценим его состояние, раз уж влетел прямиком в реанимацию. А все вопросы – потом.

– Петрович, кладём его на койку. Раз, два, взяли!

Мы подхватили найдёныша и аккуратно уложили на чудом сохранившуюся в палате койку. Невзирая на слабое сопротивление, стащили одежду.

– Мда... досталось! – протянул Петрович.

Всё тело нашего неожиданного пациента покрывали синяки и царапины. Я осторожно ощупал голову: вроде, череп цел. Рёбра, руки и ноги, кажется – тоже.

– Пульс сто пятьдесят. Наполнение хорошее: давление не меньше ста тридцати! – доложил Ванька.

Похоже, наш подкидыш легко отделался. Конечно, мы ему ещё сделаем снимки, но что-то подсказывало мне, что ничего ужасного мы на них не увидим.

– Как вас зовут? – поинтересовался я.

– Илья... Сергеевич... Зотов.

– Сколько вам лет?

– Пятьдесят три.

– Что сейчас беспокоит?

– Болит... всё болит...

– Дышите свободно? Ничего не мешает? Глубоко вдохнуть можете? – засыпал я вопросами нового пациента.

– Да... могу.

– Так не больно? – я помял исцарапанный живот.

– Нет.

– Следите за пальцем: направо... налево... Головой не вертеть, только глазами! Дальше... ближе... Отлично! Зубы покажите. Теперь язык. Прижмите подбородок к груди... Шею так не больно? Пожмите мне руки... сильнее!

Зотов послушно выполнял все команды. Без видимых усилий, надо отметить. Видимо, начиная отходить от шока, связанного с жутким полётом, он двигался всё активнее.

Закончив осмотр, я улыбнулся:

– Ну что же, Илья Сергеевич... Должен заметить, что вам очень повезло. Во-первых, вы живы. Во-вторых, похоже на то, что серьёзных повреждений у вас нет. И в-третьих, вы прилетели не куда-нибудь, а напрямиком в отделение реанимации. Где, как вы догадываетесь, сделают всё для того, чтобы поставить вас на ноги.

– Или, по крайней мере, помереть не дадут... – цинично добавил Петрович.

Подкидыш озадаченно рассматривал свои руки:

– И в самом деле... целый, кажется. Я ведь, когда машину закрутило и подняло, решил что всё, конец!

– Так вас что, вместе с машиной унесло?! – изумился я, но тут же вспомнил, как собственными глазами видел в вихре автомобиль. Наверное, тот самый.

– Ну да... Выдернуло меня потом, позже. А дальше – ничего не помню. Очнулся уже здесь, на полу... – Илья Сергеевич вдруг завертел головой, – А где этот?!

– Который?

– Ну... тот, что со мной в машине был... – наш новый пациент явно замялся.

– С вами был ещё кто-то? – уточнил Петрович.

– Ну... да...

– И где же он?

– Так я же говорю: не знаю. Когда меня из машины вытащило, я уже без сознания был. Не помню ничего, – глаза нашего неожиданного гостя забегали.

– Ну, будем надеяться, что вашему спутнику тоже повезло, – я решил закрыть тему, поняв, что по каким-то причинам она неприятна Зотову.

– А я вот надеюсь, что наоборот... Очень надеюсь! – вздохнул тот.

Я удивлённо воззрился на него. Однако!

– То есть, вы надеетесь, что он погиб?! – решил внести ясность Петрович. Вид у него тоже был недоумевающий.

– Видите ли... – начал было Илья Сергеевич, но вдруг запнулся и схватился обеими руками за грудь. Губы его побелели, лицо покрылось крупными каплями пота и наш странный гость с тихим стоном завалился на левый бок.

– Петрович, зови Клару и тащи чемодан! Кажется, мы погорячились с его обнадеживанием! – я схватил Зотова за запястье.

Пульс не прощупывался. Ткнув пальцами в шею, я с некоторым облегчением вздохнул: здесь пульс слабенький, но был!

В палату влетела Кларочка:

– Это кто? – она с удивлением уставилась на неучтённое тело.

– Зотов. Илья Сергеевич, – исчерпывающе объяснил я.

– А откуда он взялся?

– С неба упал, – я пожал плечами.

– Да ну тебя, я серьёзно! – возмутилась Кларочка и больно ткнула меня пальцем в бок.

– Между прочим, говорю чистую правду! – я примерился и вогнал несчастному Зотову иглу под ключицу, – Его ветром принесло. Смерчем, то есть. И прямо к нам.

– С ума сойти! – прошептала сестра.

– Погоди пока, не сходи... Ставь полиглюкин, сейчас посмотрим, что у него с давлением. Возможно, внутреннее кровотечение, – я закончил возиться с подключичкой и стащил с рук перчатки, – Петрович, что там у тебя?

– Семьдесят на тридцать. Кларик, подключай допамин, – Ванька вопросительно посмотрел на меня, – Пальч, надо бы лаборантов вызвать. Группу крови, свёртываемость и тэ пэ. Да к хирургам на стол.

– Сильно подозреваю, что все столы у хирургов уже заняты. Если их вообще в форточку не унесло... столы то есть. Давай-ка для начала кардиограмму запишем. Уж больно начало классическое: будто по книжке, – покачал я головой.

– Думаешь, инфаркт? Скорее всего, просто стукнуло обо что-то, пока ветром носило. Разрыв печени или селезёнки... оттуда и кровит, – засомневался Петрович.

– Может быть. Но кардиограмму всё равно сними. Не зря же он в кардиореанимацию залетел... – криво усмехнулся я.

– Да не вопрос! – Ванька привычно наложил электроды и ткнул кнопку.

Из аппарата поползла бумажная лента. Две пары глаз уставились на неё.

– Упс! Передний крупноочаговый... Свежайший! – Петрович повернулся ко мне и молитвенно сложил руки на груди, – Ты, как всегда, прав, о великий!

– Как же я устал быть правым, – вздохнул я.

Вовсе не шутя, должен заметить. Дар жезла Асклепия, помимо приятного чувства профессиональной гордости за себя, любимого, принёс ещё и массу головной боли. Коллеги (непосвящённые в детали наших прошлогодних приключений) быстренько обнаружили в моём лице некий универсальный диагностико-лечебный агрегат, выдающий безошибочные диагнозы и назначения. И принялись беззастенчиво пользоваться этим самым агрегатом. То есть, мной.

А меня нещадно грызла совесть. Потому, как я ощущал себя обычным халявщиком, которому все эти знания и умения достались не ценой учения и собственного опыта, а в результате банальной случайности. Словом, неприятно себя чувствовать незаслуженно-великим... Некомфортно как-то.

– Ладно, будем лечить инфаркт. Не впервой! – резюмировал я, – Петрович, займись беднягой. А я позволю пока в приёмное, узнаю, как там обстановка.

В ординаторской я застал Михалыча, сидящего в позе роденовского «Мыслителя» над телефонным аппаратом. Своё назначение дежурным по телефону коллега воспринял слишком буквально.

– Новости есть? – поинтересовался я.

– Тихо пока.

Категорически не согласившись с последним утверждением, телефон заголосил и запрыгал по столу. Я поспешил снять трубку:

– Реанимация.

– Палыч, готовься. Поступают раненые. Много. Кого возможно, хирурги сразу на стол берут. Тяжёлых отправляем в реанимацию. К вам тоже сейчас пятеро поедут, – скороговоркой выпалил доктор Симакин.

– Всегда готовы. Только учти, свободных коек у нас нет – выдуло. Будут лежать на каталках, – предупредил я.

– Каталок мало. На пол кладите. Постелите что-нибудь!

– Сдурел? Что я постелю? Говорю же – выдуло всё! А полы холодные, плитка. Пусть лежат на каталках! – возмущённо заорал я в трубку. Михалыч вздрогнул и на всякий случай отодвинулся подальше.

Симакин на том конце провода засопел. Сопение продолжалось примерно минуту. Я терпеливо ждал.

– Ладно. С каталками мы здесь придумаем чего-нибудь, – великодушно разрешил голос в трубке, – Ждите. Сейчас привезут. Вот только хирурги обработку закончат.

– Везите. Ждём, – я брякнул трубку на аппарат.

– Паша... – прошелестел голос за спиной.

Я обернулся и наткнулся взглядом на испуганные Кларочкины глаза:

– Что?! Что случилось?

– Паша, там... Зотов, который новенький...

– Что с ним?

– Он тебя требует. Говорит, что-то важное должен сообщить! – с каждым словом глаза девушки становились всё испуганнее.

– Ф-ф-фу! – я с облегчением перевёл дух, – Я то думал... А ты чего такая перепуганная вся?

Напрочь забыв о присутствии Михалыча, Кларочка обняла меня и уткнулась лицом в грудь. Её плечи затряслись.

Я опешил:

– Ты что, малыш?!

Михалыч деликатно выскользнул из ординаторской.

– Пашенька, я испугалась... Понимаешь, вспомнилось вдруг... Ну, всё ведь, как тогда... почти. Будто в прошлом году, когда тебя так же Димас позвал, чтобы про жезл рассказать... И что потом случилось... А начиналось так же... – сбивчиво забормотала Кларочка, всхлипывая.

Я улыбнулся и прижал девушку к себе:

– Ну что ты, маленькая?! Всё давно закончилось, повторения не будет. Слышишь?

Она закивала, не поднимая лица:

– Да, конечно... Но... не знаю, почувствовала вдруг что-то... Объяснить не могу, просто тревога какая-то накатила. Да сильно так накатила, до боли...

Я взял в ладони её щёки и заглянул в мокрое от слёз лицо:

– Всё хорошо, Кларик. Всё хорошо. Давай-ка вместе твою тревогу откатывать. Незачем тебе тревожиться, малыш. Да и некогда: сейчас к нам раненые конвейером поступать начнут.

Она всхлипнула и слабо улыбнулась:

– Ладно. Не буду больше. Ты извини, я что-то расквасилась...

Я поцеловал солёные от слёз губы и повторил:

– Всё хорошо. И всё будет хорошо. Я знаю.

Кларочка кивнула:

– Я тоже, – глубоко вздохнула и старательно вытерла глаза платочком, – Ладно, Паш, пошли к Зотову. Послушаем, что он скажет.

– Пошли.

Илья Сергеевич являл собой нездоровое зрелище: бледный, покрытый крупными каплями пота, с голубовато-серыми губами.

– Боль в груди есть? – поинтересовался я.

Зотов отрицательно покачал головой.

– Морфин. Боль купирована, – шёпотом сообщил мне на ухо Петрович.

Я кивнул и присел на краешек кровати:

– Вы хотели мне что-то сказать? Я слушаю.

Подкидыш молчал и покусывал серые губы, явно не решаясь начать разговор. Мы втроём молча ждали.

– У меня инфаркт, да? – наконец, выдал Зотов.

Я кивнул:

– Да. Это не слишком удивительно, учитывая стресс, который вам пришлось пережить.

– Я умру? – второй вопрос Ильи Сергеевича был привычным, ожидаемым, но от этого – не менее дурацким.

Я вздохнул:

– Мы все умрём. Вопрос лишь – когда? Вы же понимаете, Илья Сергеевич, что дать вам какие-то гарантии я не могу. Мы не в часовой мастерской.

– Понимаю... – прошептал Зотов.

– Могу лишь сказать, что инфаркт миокарда – болезнь, разумеется, серьёзная, но вовсе не безусловно приводящая к смерти. Будем лечить.

– Хорошо... спасибо. Но... я хотел не об этом поговорить.

– А о чём?

– Его надо остановить! – выпалил Илья Сергеевич.

– Кого именно? – уточнил я.

– Этого... не знаю его имени. Он не представлялся...

– Того, кто был с вами в машине? – догадался я.

– Да. Он сумасшедший... и страшный человек... Его необходимо остановить, пока... – больной умолк и отвёл взгляд в сторону, на стену.

– Пока что?

Тишина. Видно было, что Илью Сергеевича одолевают нешуточные душевные терзания.

– Ладно, расскажу с самого начала! – решился он, наконец, – Видите ли, я работаю ведущим инженером на «Тяжмаше»...

Зотов опять сделал паузу и вопросительно посмотрел на меня. Долго, словно ожидая реакции.

– Я должен как-то это прокомментировать? – поинтересовался я.

– Э-э-э... нет. Вы же знаете, что производят на «Тяжмаше»?

Я кивнул и улыбнулся:

– Примерно. Наверное, в Нерограде не найдётся человека, который бы этого не знал.

Ещё бы. Гигатский оборонный завод, на котором в лучшие времена работала добрая треть народонаселения нашего, совсем немаленького, города. Что точно производил «Тяжмаш» никто, разумеется не знал, зато всем было известно, что его продукция каким-то образом связана с баллистическими ракетами стратегического назначения.

– Я проработал на «Тяжмаше» без малого тридцать лет, – продолжил свой рассказ Зотов, – Пришёл сразу после института: такой, знаете ли, энтузиастик с горящими глазами. Да и немудрено: в те времена попасть на наш завод молодому специалисту было за счастье. Это же «оборонка»: тут тебе и положение с уважением, и деньги неплохие, и перспективы... Да ещё, в качестве бесплатного приложения, так сказать, некий ореол таинственности: как же, тружусь, мол, на секретном предприятии, своими руками кую щит Родины... Сковал,ь!

С кривой улыбкой Зотов неожиданно выругался. И тут же спохватился:

– Простите, ради Бога... Вырвалось. За последние дни столько всего накопело, что немудрено... Так вот, через год после того, как я пришёл на завод, родился проект ПУМ, – Илья Сергеевич опять умолк, переводя дыхание.

– Какой проект? – переспросили хором мы с Петровичем.

– ПУМ. Это я разработал проект, – с какой-то злой гордостью заявил Зотов.

– Здорово... наверное. А что означает «ПУМ», – поинтересовался я

– Это потом, чуть позже... Пока попытаюсь объяснить суть проекта. Видите ли, мы стали делать огромные такие... ну, назовём их футлярами. Да, так точнее... Так вот, «Тяжмаш» начал выпускать большие цилиндрические футляры из сверхпрочного титанового сплава. Способные выдерживать огромное давление...

– А зачем? – тихо спросила Кларочка. Она присела в уголке на корточки и огромными серыми глазами неотрывно смотрела на Зотова.

– Не перебивайте, пожалуйста. Эти футляры доставлялись в морской порт и загружались в трюмы специальных кораблей, замаскированных под танкеры. Собственно, они и были танкерами: с нефтью, с ничего не подозревающим экипажем и прочими атрибутами простого

гражданского судна. На котором лишь два человека, включая капитана, знали о том, что внизу, под ёмкостями с нефтью, есть потайные трюмы с нашими футлярами....

– А что в футлярах-то? – не выдержав, спросил я.

– Разве я не сказал? – удивился Илья Сергеевич, – Ракеты. Межконтинентальные ракеты с десятью ядерными боеголовками каждая. Те самые «СС-20», которые наши тогдашние потенциальные противники ласково прозвали «Сатаной». Впрочем, не совсем те самые: ракеты для наших футляров производились в особой модификации... но об этом чуть позже.

В палате повисла тишина. Где-то глубоко во мне начал зарождаться страх. Как тогда, год назад... Неужели Кларочка была права в своих тревожных предчувствиях?!

– Так вот, после загрузки наш танкер с секретом отправлялся в дальнейшее плавание. И где-нибудь в Атлантике или в Тихом океане, в заданной точке, открывались специальные люки в днище судна. Танкер при этом даже не останавливался, – Зотов помолчал немного, отдышался и продолжил, – Один из наших футляров уходил на дно. Вместе с содержимым. На глубину от полутора до трёх километров. Всего в рейс танкер брал на борт пять ракет.

Опять долгая пауза. Никто из нас не решался нарушить звенящую тишину.

– Футляры были отцентрованы таким образом, что вставали на дно в вертикальном положении. И, разумеется, так там и оставались. Ждать своего часа...

– Сигнала к запуску? – понимающе кивнул Петрович.

Зотов криво усмехнулся и помотал головой:

– В том-то и дело, что нет... Всё гораздо проще... и страшнее. В футляры были вмонтированы специальные устройства. Способные принимать зашифрованный радиосигнал даже на таких глубинах. Раньше считалось, что это невозможно. Даже подводные лодки для сеанса радиосвязи вынуждены были либо всплывать, либо выбрасывать радиобуй с антенной. А я придумал, как принимать сигнал глубоко под водой! – в голосе Зотова вновь зазвучала гордость.

Мы слушали, не перебивая.

– Раз в сутки футляр принимал радиосигнал сразу из нескольких штабов РВСН...

– Каких штабов? – переспросила Кларочка. Она придвинулась ко мне и больно вцепилась в мою руку.

– РВСН. Ракетных войск стратегического назначения. Штабы РВСН разбросаны по всей стране. И от каждого из них раз в сутки в автоматическом режиме посылаются сигналы для наших футляров. Из года в год. Каждый день. Вот уже почти тридцать лет... – Зотов покачал головой, – Вы только представьте себе!

– Мда... впечатляет... Но что за сигнал-то? – не унимался Ванька.

– Понимаете, в тот момент, когда футляр сбрасывался с судна, ракета внутри него приводилась в боевую готовность. И включалась программа запуска. Весь фокус в том, что наши устройства принимали и принимают сигнал *отмены пуска!* – Илья Сергеевич обвёл нас торжествующим взглядом, – Вот в чём суть проекта «ПУМ».

Я почувствовал, как в животе неприятно зашевелилось что-то холодное и угловатое. Кларочка тихо ойкнула.

– То есть, вы хотите сказать... – неуверенно начал я, но Зотов меня перебил:

– Все ракеты, размещённые в ПУМ, готовы в любой момент стартовать к своим целям. Если только не получат сигнал отмены хотя бы от одного из штабов... – он невесело усмехнулся, – А теперь я скажу, как расшифровывается «ПУМ». Есть два варианта: официальный и неофициальный. В первом варианте «ПУМ» означает «пусковая установка модифицированная». Вот так, без затей. Но все, кто знает об этом проекте, называют его иначе: «последний удар мертвеца». Это точнее, верно?

– Да уж... – потрясённо пробормотал Петрович.

– Даже если первым ударом противника будут уничтожены все штабы РВСН, ракеты из наших установок всё равно стартуют. А их – сотни! Разбросанных по всем океанам на огромной глубине, невидимых для спутников... – прикрыв глаза, закончил Зотов.

– Страшно... – прошептала Кларочка.

– Страшно, – согласился Илья Сергеевич, – но представьте, каков сдерживающий эффект проекта! Противник знает, что в случае полной своей победы – он обречён! Чудовищный парадокс, верно?

– Так противник знает? – уточнил я.

Зотов усмехнулся:

– Ну, не идиоты же они! Конечно, наши заокеанские «друзья» знают о существовании проекта ПУМ. Я даже не исключаю, что утечка информации о нём была специально организована нашими спецслужбами. Знают, – но ничего изменить не могут! Потому что найти ракету в океане на такой глубине – невозможно.

– Наверняка, у них тоже есть что-то подобное?

Илья Сергеевич пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, есть. Даже наверняка – есть. Проблема не в этом...

– Так в чём же?

Рассказчик тяжело вздохнул

– Одна из наших установок была размещена не в океане...

– А где?! – хором воскликнули Кларочка с Ванькой.

– Не знаю, помните ли вы... В начале восьмидесятых, если не ошибаюсь, США решили разместить свои ракеты средней дальности в Западной Европе. Была чудовищная международная склока, вылившаяся в очередной виток холодной войны. И, в качестве нашего ответа зарвавшимся буржуйам, кем-то наверху было принято решение установить несколько ПУМов в Карпатах... Потом, правда, передумали. Но одну ракету успели-таки установить на Западной Украине...

– Но, позвольте... Ведь там, насколько я понимаю, надёжно спрятать межконтинентальную ракету невозможно: её моментально засекут со спутника... или с самолёта-шпиона! А если местоположение установки известно, она становится первоочередной целью, верно? Какой тогда смысл: ведь ракета не переживёт первый удар? – перебил я Зотова.

– Вы правы. Но видите ли, в Карпатах нашлось-таки место, где оказалось возможным надёжно замаскировать ракету, – развёл руками Зотов.

– Это где же?

Илья Сергеевич надолго умолк. На бледном лбу его проступили крупные капли пота. Щёки ввалились, да и весь он вдруг как-то осунулся. А нос – заострился.

– Я должен вас предупредить... То, что я сейчас расскажу – информация, которой располагают лишь несколько человек на планете. Три-четыре... от силы. Включая меня самого. Если узнают многие – последствия могут быть самыми непредсказуемыми... и печальными, – тихо проговорил Зотов.

– Так может, не стоит нам ничего рассказывать? – я пожал плечами.

– Стоит... Если со мной что-нибудь случится... а при инфаркте, как я понимаю, случиться может *всё*? – он вопросительно посмотрел на меня.

Я молча кивнул.

– Так вот, если меня не станет, никто не сможет остановить этого... человека, – последнее слово далось Зотову с заметным трудом, – А его непременно надо остановить. Любой ценой!

– Да кто он, в конце-то концов?! – не выдержал Петрович.

– Позже... Я расскажу по порядку. Чтобы вы поняли...

– Не перебивай, Иван. Пусть рассказывает, – я перевёл взгляд на Зотова, – Продолжайте, Илья Сергеевич. Мы слушаем.

Он помолчал ещё минуту-другую, беззвучно шевеля синеватыми губами и покачивая головой. Наконец, решился:

– В Карпатах есть озеро. Небольшое, но очень глубокое – до двухсот метров. Насколько я понимаю, это нехарактерно для тех мест. Видимо, в силу своей нехарактерности, оно так и называется: «Чудове». Чудесное по-русски. Вот на дне этого озера и установили ПУМ.

– И что, разве ракету нельзя засечь уже на такой глубине? – удивился я.

– Можно, конечно. И засекали бы с любого спутника, если бы не маленький нюанс: озеро – лечебное. Вода там насыщена радоном, поэтому радиационный фон в том месте намного выше естественного. Это и маскирует фон от ядерного заряда, – Зотов грустно улыбнулся, – Говорят, там на берегу даже что-то вроде небольшого санатория есть... с водолечебницей. Вот ведь – ирония судьбы! Знали бы тамошние пациенты, что в озере припрятано...

– Как же так?! Район что, даже не охраняется?! Рядом со стартовой установкой межконтинентальной ракеты может разгуливать кто угодно?! – изумился Петрович.

Илья Сергеевич пожал плечами:

– А зачем охранять? В своё время совершенно справедливо решили, что наличие охраны лишь привлечёт ненужное внимание к озеру. Установку затопили в условиях строжайшей секретности, о ней, как я уже говорил, знают лишь несколько человек в мире. Того, что кто-нибудь наткнётся на ракету случайно, опасаться не приходится: на такую глубину ни один аквалангист не сунется. Да и нырять-то в Чудовом, собственно, незачем: подводная жизнь там напрочь отсутствует. Всё из-за того же радона.

– Послушайте, но там же теперь – другая страна! – осенило меня, – Установку что, передали Украине?

Зотов посмотрел на меня с какой-то жалостью. Будто на юридического:

– Да бросьте, Пал Палыч! Разумеется, никто никому ничего не передавал. Украинские вожди на всех углах верещат о том, что их страна свободна от ядерного оружия, не подозревая о том, что в райском уголке Карпат припрятана ракета с десятью боеголовками. К тому же, находящаяся в состоянии постоянной готовности к пуску! – он довольно ухмыльнулся, – Ещё одно тяжёлое наследие советского прошлого. Весьма тяжёлое: сотни мегатонн!

– Илья Сергеевич, мы немного отвлеклись от основной темы нашего разговора, – откровенное злорадство собеседника было мне неприятно, – Какое отношение ко всему этому имеет тот человек, что был с вами в машине? И почему его надо остановить?

Зотов посерел ещё больше. Я глазами показал на него Петровичу. Тот кивнул и принялся накачивать воздух в манжетку тонометра.

– Девяносто на пятьдесят! Пульс сто десять в минуту. Клара, готовь дозатор с добутрексом. В ординаторской один остался.

Кларочка встрепенулась и выбежала из палаты.

– Всё плохо, да? – встревожился Зотов.

– Не особенно хорошо, но и ничего неожиданного. При инфаркте такое бывает, – «успокой» я его, – Вам тяжело говорить? Предлагаю пока отдохнуть.

Илья Сергеевич отрицательно замотал головой:

– Нет, нельзя... Я должен успеть рассказать всё. Это важно.

– Ну, судя по тому, что мы уже слышали, это и в самом деле – чертовски важно, – согласился я, – Тогда подождите пару минут, мы подключим лекарство.

Зотов молча кивнул. Вернулась Кларочка с дозатором и привычно-быстро настроила его.

– Можно продолжать? – осведомился Илья Сергеевич, когда сестра разогнулась и устроилась рядом со мной на краешке койки.

– Можно, – разрешил я.

– Понимаете, в последние годы у меня как-то разладилось всё... Сын давным-давно уехал в Питер, мы почти не общаемся. С женой развелись год назад: просто устали друг от друга...

а вернее – надоели хуже горькой редьки. На работе – тоска зелёная: занимаемся всякой ерундой. Завод еле дышит, три четверти сотрудников давно уволились. Какое там «оборонное предприятие»! Государственных заказов практически нет, простаивает уникальнейшее оборудование. Те немногие цеха, что ещё не закрылись, производят всякую дребедень, вплоть до кастрюлек. Лишь бы выжить. Деньги платят смешные... Но сейчас хоть платят, а несколько лет назад – по полгода зарплату задерживали... – Зотов тяжело вздохнул, – Словом, выгорел я как-то. Жизнь стала пресной и просветов – никаких. Как и перспектив.

Я терпеливо слушал. Уже начиная догадываться о том, что будет дальше.

– Словом, когда возник этот... гость, я был внутренне готов к его появлению. И к предложению...

– Дайте-ка я угадаю: этот человек предложил вам деньги за информацию о проекте «ПУМ»? – перебил я рассказчика. Мне вдруг стало противно.

– Верно, – Зотов даже не удивился и продолжал монотонно вещать. Будто радио, – Он предложил деньги. Много, очень много денег. И не только: ещё – вид на жительство в одной из тихих и респектабельных европейских стран.

– Круто. А что взамен? Если та сторона и так знала о проекте, какая именно информация нужна была вашему гостю? Да ещё за такие блага? – как мог, я пытался скрыть отвращение.

– Он хотел знать место в Карпатах, где установлена ПУМ. И ещё... – Зотов сделал паузу, пожевал серые губы и продолжил, – Ему нужна была моя глушилка.

– Что-что?! – переспросил Петрович.

– Глушилка. Я сделал устройство, которое в радиусе километра подавляет радиосигналы на частотах РВСН. Мой прибор способен глушить сигналы отмена пуска ракеты, – просто и страшно объяснил Илья Сергеевич.

В навалившейся тишине я услышал, как где-то в голове ритмично бухает моё собственное сердце.

– То есть, если ваш гость включит глушилку на берегу того озера, то... ракета стартует? Ядерная ракета?! – голос Кларочки дрожал.

– Да... Поэтому я и рассказал вам... Его надо остановить!

– Ах ты ж! – забыв о присутствии Кларочки, Петрович выругался, метнулся к Зотову и, схватив того за плечи, принялся с остервенением трясти, – Опомнись,ь! Совесть вдруг загрызла, тварь?! Или просто мозги заработали?! Жизнь у него пресная,! Денег мало платят,! С женой он развёлся,! Гений хренов! В тихой стране отсидеться решил?! Да ты хоть понимаешь, урод, что если эта долбаная ракета взлетит, – всем разом придёт п...ц! И чёрта с два найдёшь ты место, где отсидеться, если только на Луне где-нибудь! Всё накроет,ь! Понимаешь, всё!

Голова Зотова ритмично билась о подушку. Её хозяин молчал и только серел всё больше и больше.

– Перестань, Иван! – я с трудом оттащил Петровича от его жертвы, – Успокойся! Эмоции – потом. Илья Сергеевич прав в одном: у нас мало времени. Практически – не осталось.

Кларочка сидела, не шевелясь, закрыв лицо ладонями. Я покосился на неё: кажется, не плачет. Ладно, потом разберёмся:

– Илья Сергеевич, я не стану извиняться за поведение Ивана Петровича, потому что полностью разделяю его эмоции. Но предлагаю пока отвлечься от всего второстепенного и перейти к главному. Кто этот человек? Как он выглядит? Где его найти? Вы успели передать ему глушилку? Можно ли как-то её ну... запеленговать, что ли? Я не технарь, не знаю... Как выглядит ваш прибор? Каких он размеров? Где точно находится озеро? Почему, наконец, вы не обратились в соответствующие органы: в ФСБ, например? – я засыпал Зотова вопросами. В моей голове царил полный сумбур.

– Не собирался я куда-то обращаться... Да и вам бы ничего не рассказал, если бы не попал в смерч... и если бы не инфаркт, – нехорошо ослабился наш подкидыш, – Просто понял, что могу умереть... и – что-то внутри щёлкнуло... Словом, объяснить нудно, да и ни к чему. Не хочу. Человек, который ко мне приходил – самый обыкновенный. Говорит чисто, без акцента. Среднего роста, брюнет с проседью. Лет сорока – сорока пяти. Ах да, – слегка прихрамывает на левую... нет, на правую ногу. Курит. Кстати, курит довольно специфические сигареты: чёрные. «Собрание» называются... Да, вот ещё: на правой руке носит интересный перстень: ромбовидная такая печатка с мальтийским крестом... Крест выложен мелкими тёмно-красными камнями. Не знаю, какими, но смотрится очень красиво...

– Хоть что-то... Как он вас нашёл?

Зотов пожал плечами:

– Просто позвонил на мой мобильный телефон. Откуда он узнал номер, как вышел на меня – не имею ни малейшего понятия.

– Как вы с ним связывались?

– Никак. С самого начала мы условились, что звонить будет он мне.

– Номер не определялся? На мобильнике?

– Нет.

– Вы успели передать ему прибор?

– Да.

–ь! – Петрович вновь рванулся к Зотову, но я его удержал:

– Да погоди, Иван! – отгеснив приятеля в сторону, я вернулся к Илье Сергеевичу, – Получили деньги и документы?

– Да. Мы как раз возвращались из банка. Я арендовал сейф.

– Передача глушилки и денег состоялась в банке?

– Да.

– Однако! Довольно странное место для конспиративных встреч, – удивился я, – Стало быть, глушилка не слишком габаритна?

– Вовсе нет. Она смонтирована в обычном «дипломате». В старом таком, чёрном пластиковом с алюминиевыми полосками, знаете?

– Представляю себе. У меня такой был в студенческие годы. Довольно раритетная вещь в наше время.

Зотов развёл руками:

– Использовал в качестве корпуса то, что оказалось под руками...

– Ладно, с этим понятно. Как звали вашего покупателя? Ах, да, вы же говорили, что он не представлялся...

Илья Сергеевич молча кивнул.

– Куда вы с ним ехали? Перед тем, как попали в торнадо?

– Он попросил подвезти его до вокзала.

– Вы полностью рассчитались друг с другом? Это была последняя встреча?

– Да.

– Он ничего не говорил о том, куда собирается отправиться потом?

– Нет.

– Глушилка, как я понимаю, была у него в тот момент, когда налетел смерч?

– Да. Он держал «дипломат» на коленях.

– И потом вы уже ничего не помните? Что с ним случилось?

Зотов опять молча помотал головой. Не помнит.

– Мда... И в самом деле, остаётся лишь надеяться на то, что этому типу не повезло так, как вам. И что глушилка разбилась. Но мы же не можем быть в этом уверены, верно?

– Увы... – подкидыш развёл руками.

– Ладно... Где точно в Карпатах находится это озеро? Чудове, так?

– Во Львовской области. Там есть гора с названием Пикуй. Примерно в пяти километрах к западу от её подножия – озеро. Место в тех краях известное, в окрестностях несколько турбаз и санаториев.

– Райское местечко! – фыркнул Петрович и опять потянулся к Зотову. Тот умолк и опасно прижался к стенке.

– Илья Сергеевич, а теперь объясните, пожалуйста, зачем вы нам всё это рассказали? – я отвёл руки разгневанного коллеги от горла пациента и, встав с койки, принялся в крайнем волнении расхаживать по палате, – Какие, по вашему мнению, у нас есть способы остановить вашего таинственного гостя? Мы не знаем, кто он, как выглядит, где его искать... Чёрт, да мы даже не знаем, жив ли он! Что делать с глушилкой, если мы её найдём? Просто разбить? Она существует в единственном экземпляре? Где чертежи? И вообще, всё это – задачи спецслужб: милиции, ФСБ... Давайте-ка вызовем сюда кого-нибудь из них и вы повторите всё, что рассказали нам. Это слишком серьёзно, так пусть делом занимаются профессионалы!

Зотов пошёл синими пятнами:

– Нет! Никаких спецслужб! Я ничего им не скажу!

– Ну, тогда скажем мы! – я пожал плечами и опять уселся на койку, – В принципе, вы рассказали нам достаточно для того, чтобы компетентные органы начали расследование. А у них, уверен, возможностей для успешного поиска этого вашего диверсанта куда больше, чем у нас. Но в этом случае, полагаю, вам, Илья Сергеевич, не придётся рассчитывать на снисхождение на суде... Вы же не мальчик, и прекрасно понимаете, как называется то, что вы совершили. И что за это вам полагается...

– К стенке! – прошипел Петрович.

– Ну, к стенке вряд ли получится. У нас же гуманизм и мораторий на смертную казнь... Но пожизненное заключение, наверное, тоже не сахар. А меньше, кажется, за государственную измену не дают...

– Пал Палыч, я ничего не скажу никому из органов! А если вы попытаетесь их привлечь, – буду всё отрицать! Вы же видите, в каком я состоянии и знаете, что мне пришлось пережить! – Зотов ухмыльнулся. Постепенно его кожа начала приобретать нормальную окраску, – Мало ли, что я нёс в бреду! У вас есть доказательства?

Доказательств у меня не было.

– Какого чёрта, Илья Сергеевич?! Чего вы от нас хотите?

Зотов с довольно наглым видом уселся поудобнее и скрестил руки на груди:

– Всё очень просто, милейший Пал Палыч! Я хочу, во-первых, чтобы вы помешали этому человеку запустить ракету. Думаю, вам, как и мне, совершенно не хочется сгореть в ядерном катаклизме. Очень жить хочется...

– Вот тварь! – с чувством констатировал Петрович.

– А во-вторых, жить мне хочется на свободе, хорошо и не здесь! – невозмутимо закончил мысль подкидыш и, помолчав немного, добавил, – Что, как вы сами понимаете, становится полной утопией в случае вмешательства спецслужб. Так что, либо вы сами находите моего гостя и уничтожаете глушилку, либо – всему конец!

– Палыч, да что ты слушаешь этого иуду?! Давай звонить чекистам! Плевать, что эта сволочь всё будет отрицать: в ФСБ живо разберутся, что к чему! – теперь пятнами покрылся Петрович. У него они получились багровыми.

– Звоните! В ФСБ ничего не знают об этой части проекта «ПУМ». А пока будут разбираться – время уйдёт! – Зотов усмехнулся и пожал плечами.

– Позвоним, конечно. Вы точно уверены, что не хотите сделать это сами? – я решил дать отступнику последний шанс.

Вместо ответа Зотов демонстративно отвернулся к стенке, свернулся калачиком и громко засопел.

– Ну и с ним! – резюмировал Петрович и потянул меня за рукав, – Пошли, Палыч, там люди ждут! Да и руки вымыть не мешало бы. . . с мылом. Трогаем тут всякое. . .

В коридоре загрохотали каталки. Судя по звуку, много.

– Пошли! – я подхватил под локоток безучастную Кларочку и мы втроём покинули злополучную палату.

15 июня, Западная Украина, Львов,

14—40.

– Петька! – отец бросился к нему и принялся лихорадочно ощупывать с ног до головы, – Живой, целый?! И Саманта тоже? Да где ж вы были-то?! Мы с матерью извелись просто!

– А мама где?

– Да тут она, тут! В доме, чемодан собирает! Надо уезжать отсюда, срочно! Здесь через пару часов такое начнётся!

– Какое – «такое»?!

– Сын, ты что, с Луны упал? Город разрушен, воды нет, электричества нет! Связи – тоже. Люди в панике. Власти – то ли есть они, то ли нет. . . я, по крайней мере, за всё время с начала землетрясения ни одного полицейского не видел. Сейчас живо всякая шваль из углов вылезает: мародёры, грабители, бандиты. . . Это не считая того, что толчки могут повториться! Нет, определённо, надо срочно уезжать! Пока ещё дороги не забиты! – отец отпустил, наконец, Петра и открыл заднюю дверцу джипа, – Мила, давай его сюда!

Последние слова адресовались встрёпанной женщине, показавшейся на крыльце с огромным чемоданом в руках. Клетчатое чудовище застряло в дверном проёме и никак не желало покидать дом.

– Мам, погоди, я помогу! – Пётр метнулся к матери и перехватил ручку чемодана.

– Петенька! – обрадовалась женщина, – Наконец-то! Ты в порядке? Мы уж не знали, что и думать. . .

– Со мной всё хорошо! Нас землетрясение застало на Высоком Замке, пока сюда через весь город добрались. . . пешком, через развалины. . .

– Понимаю, – кивнула мать, – Всё разрушено, да?

– Не всё, конечно, но очень много. . . Целые кварталы под землю ушли. . . Страшно! – Пётр с остервенением рванул упрямый чемодан.

Тот неожиданно легко выскочил из проёма и юноша, потеряв равновесие, опрокинулся с крыльца.

– Питер! – Саманта бросилась к нему и помогла подняться, – Ничего не сломал?

– Да вроде нет. . . Мам, а чего ты сюда натолкала? Не мои гантели, часом? Он же неподъёмный совершенно!

– Только самое необходимое. Кстати, там в кармашке – документы. Все наши, в том числе и Саманты. Деньги – там же.

– Здорово! Мы, собственно, тоже хотели забрать документы, деньги – да и бежать из города.

– А куда? – поинтересовался отец.

– В Киев. К Лёньке. А Саманту – в посольство определить.

– Оно и правильно. Что ж, мыслим мы все в правильном направлении, дело за малым: до Киева добраться. Давай-ка чемодан сюда!

Совместными усилиями они затолкали тяжеленный чемодан в багажный отсек «пэд-жеро», отчего внедорожник даже слегка присел на задние колёса.

– Так... проверим: деньги здесь, документы – тоже... Кстати, Саманта, Петька, вы бы паспорта забрали лучше. Пусть документы при вас будут, мало ли что... Да и деньги – тоже.

– И то правда! – Пётр засунул паспорта и деньги в нагрудный карман и застегнул его на пуговицу.

– Пит, ты что, по-прежнему собираешься сдать меня в посольство?! – сердито прошипела Саманта на ухо другу и больно ущипнула его за бок, – Мы же договорились, что я остаюсь с тобой! И какой ещё Киев?! Разве ты не пойдёшь по стрелке? А как же Велимир? Ты ведь ему обещал!

– Сэми, успокойся! Во-первых, ты очень больно щиплешься! Во-вторых, стрелка показывает куда-то на восток. Киев в любом случае нам по пути. А в-третьих, никуда я тебя сдавать не буду: ты же не багаж! Я хочу, чтобы ты была со мной...

– Правда?

– Правда. Во всей этой катавасии нужно держаться вместе. Помнишь, что сказал Велимир: это только начало!

Девушка молча кивнула и неожиданно громко всхлипнула.

– Сэми, ты чего? – Пётр попытался заглянуть ей в лицо, но Саманта поспешно закрыла его руками и, уже не таясь, громко зарыдала:

– Пит, мне страшно! За тебя, за меня, за родителей там, дома... Я не знаю, что творится сейчас на родине... может, там тоже землетрясение? Или ураган... или ещё что-нибудь... Связи нет, телефон не работает. Они там с ума сходят, а я – здесь...

– Всё будет хорошо, лисёнок! – Пётр обнял плачущую девушку, – Всё будет хорошо! Уверен, в Киеве мы сможем связаться с твоими родными. А потом сядем в самолёт и полетим на восток, по стрелке. Найдём этот чёртов недостающий кусок и вернём его на место...

– Почему ты решил, что нам придётся лететь самолётом?! Стрелка показывает лишь направление. А утраченный фрагмент может быть и в ста метрах к востоку, и в нескольких километрах, и в другом полушарии, – да где угодно! Нам нужно как-то определить местонахождение цели... хотя бы примерно, – Саманта немного успокоилась, но покидать объятия Петра не торопилась, – Иначе мы так и будем метаться вперёд-назад. Недолёт, перелёт... А время-то идёт!

– Ты права, Сэми! Вопрос лишь, как это сделать?

– Питер, ты что, не был в бойскаутах?! – Саманта подняла, наконец, заплаканное лицо и улыбнулась.

– Не был, каюсь!

– Не повезло тебе! А я вот – была. Не в бойскаутах, правда, а в гёрлскаутах.

– И что?

– И то. Нас учили ходить по карте и определять расстояние до цели. Я даже как-то заняла второе место в первенстве штата – гордо заявила девушка.

– Ты хочешь сказать, что знаешь, как определить, где находится утраченная часть ЭТОГО?! – изумился Пётр.

– Ага! – совсем по-русски подтвердила Саманта.

– Ну, ты даёшь, Сэми! И как же?!

– Элементарно. Нам понадобится карта... ну, для начала – карта Украины. Желательно – максимально подробная. Но если фрагмент находится за пределами вашей страны – потребуются карта Евразии. Да, ещё компас.

– Это не проблема, найдём. Карта Украины у отца есть, в кабинете висит... – Па!

– Что?! – отец задержался на пороге особняка.

– Ты же к себе поднимаешься? Захвати, пожалуйста, свою карту со стены!

– Она-то тебе зачем?!

– Очень надо. Потом объясню.

- Ладно! – отец махнул рукой и скрылся в доме.
- Так, карта у нас есть. Что дальше?
- А дальше – просто. Мы ориентируем карту строго по сторонам света, точкой отмечаем наше местоположение и от неё проводим прямую линию по направлению серебряной стрелки. Через всю карту.
- Ну?
- Не нукай, не запряг! – блеснула Саманта знанием русского фольклора, – Потом едем на север или на юг... непринципиально... километров на сто-двести...
- погоди, погоди! Это почему – на север или юг?! Стрелка-то указывает почти точно на восток! – возмутился Пётр.
- Вот именно! А нам с тобой придётся отправиться в перпендикулярном направлении как можно дальше... думаю, пары сотен километров хватит. И опять отметить наше новое местоположение на карте. А оттуда – провести вторую линию в направлении стрелки.
- И что?
- А то, мой милый, что пересечение этих двух линий на карте покажет нам место, где следует искать утраченный фрагмент. Это называется «пеленг»! – Саманта торжествующе посмотрела на Петра, полюбовалась его ошалелым видом и добавила, – Зря, всё-таки, ты бойскаутом не был! Узнал бы много полезного...
- Так просто?! Так поехали, чего ждём?! – Пётр схватил девушку за руку и потащил к машине.
- Куда это вы собрались? – нагруженный связками книг отец сунул в руки юноше бумажный рулон, – Вот твоя карта, держи. Объяснять, зачем она тебе понадобилась, будешь уже в машине. Загружайтесь!
- Па, погоди! Нам нельзя сейчас в Киев! – вырвалось у Петра.
- Это почему же?! – от удивления отец выронил книги.
- Петя, не дури! Саманта, хоть вы повлияйте на него! Садитесь в машину! – рядом оказалась мать, тоже нагруженная какими-то свёртками.
- Ну, то есть... Мы поедem в Киев, но потом, позже... а сейчас нам надо на юг!
- ...Или на север! – пискнула Саманта, прячась за спину друга.
- Вы что, сговорились?! Или просто одновременно умом тронулись? То в Киев, то на север, то на юг... – отец забросил свои книги в машину и, подбоченившись, встал перед молодыми людьми, – Не угодно ли объяснить?
- Па, я... мы всё объясним, обязательно. По дороге, в машине. Времени и в самом деле у нас очень мало.
- По дороге куда?! В Киев, как я понимаю, вы ехать передумали... по крайней мере, сейчас. Так куда держим путь?
- На юг.
- Отец минуту-другую сверлил Петра взглядом. Потом махнул рукой:
- Ладно, по пути поведаете ваши тайны мадридского двора. Лезьте в машину, а я ещё кое-что заберу.
- Я с тобой! – мать как раз освободилась от своей ноши.
- Па, ма, давайте быстрее! Весь дом с собой всё равно не увезёте, а машина уже и так забита! Поехали уже! – Пётр помог Саманте разместиться среди сумок и узлов, и теперь сам пытался устроиться рядом с ней на заднем сиденье.
- Пять минут! – отец вскинул растопыренную пятерню и вслед за женой скрылся в доме.
- Сэми, не будем зря время терять! Карта у нас есть, а вот и компас, – юноша вытащил прибор из держателя на приборной панели внедорожника, – Начинай!
- Здесь места мало, карту не развернуть. Давай прямо на асфальте?
- Не вопрос!

В два счёта они выскочили из машины, развернули на тротуаре карту и принялись колдовать над ней.

– Так, совмещаем север карты с севером по компасу... мы с тобой здесь, ставим точку. Питер, давай часы!

Пётр послушно достал часы, открыл крышку и положил старинный прибор на карту. Серебряная стрелка, слегка дрогнув, указала на восток.

– Линейка нужна!

Юноша вскочил и, недолго думая, оторвал штакетину от заборчика, огораживающего вырытую накануне канаву:

– Держи.

– Готово! – Саманта поднялась и с высоты своего роста придирчиво оглядела карту.

Пёстрый лист пересекла прямая синяя линия. Пространства карты ей не хватило и она заехала на белые поля.

– По-моему, отлично! Дело за малым: нарисовать ещё одну такую же. Надеюсь, они не будут параллельными! – невесело усмехнулась девушка.

– Сэми, не хандри! Всё у нас получится!

– Угу... Пит, я знаешь, что подумала? Надо бы, всё-таки, раздобыть карту Евразии и на ней тоже пеленг отметить. Представляешь, как обидно будет, если во второй точке мы всё сделаем, а линии на карте не пересекутся? Ну, если цель – за пределами Украины?

– И опять ты права, лисёнок. Вопрос: где взять карту?

Саманта открыла рот, собираясь ответить, но её остановил быстро нарастающий низкий гул, переходящий в рёв.

Над головами опешивших молодых людей, совсем низко – едва не задевая макушки деревьев – пронеслись два самолёта. Ветер, поднятый их винтами, сбивал с ног и перехватывал дыхание. Пётр поспешно обнял девушку и присел вместе с ней.

Поздно. Самолёты уже промчались мимо и теперь, в отдалении, из бреющего полёта взмыли вверх, ввинчиваясь в слепящую синеву летнего неба. По-прежнему – один за другим.

– Что за бред?! – Пётр поднялся и, прикрывая глаза ладонью, всмотрелся вдаль.

На крыльях переднего самолёта явственно виднелись чёрные кресты с белой окантовкой. На крыльях заднего – столь же чётко видны были красные звёзды. Самолёты будто вылетели из какого-то старого военного фильма.

– Кино, что ли, снимают? – озвучил Пётр собственные мысли, – Нашли время!

А самолёты в вышине творили что-то невообразимое. Тот, что с крестами, всячески пытался стряхнуть с хвоста назойливый краснозвёздный истребитель. Который стряхиваться упорно не желал и гонял свою жертву по небу, поливая её пулёмётным огнём. Сверху, кроме вибрирующего рёва моторов, доносился ещё и дробный стук очередей.

– Питер, что происходит? У них что, бой?! Настоящий?! И что это за самолёты такие странные? – голос Саманты заметно подрагивал.

– Сэми, я сам ничего не понимаю. Эти самолёты – времён Второй мировой войны. Тот, что с крестами на крыльях – немецкий... я не разбираюсь, но, судя по тому, что он явно больше второго, – наверное штурмовик или бомбардировщик даже... А со звёздами – наш... то есть, советский. Думаю, истребитель.

– Они же стреляют в друг друга! Это что, учения?

– Н-н-не знаю... Вряд ли, какие учения? Эти машины давным-давно с вооружения сняты. Я даже не знал, что они ещё сохранились где-то и могут летать! Больше похоже на воздушное шоу какое-то...

– Пит, какое шоу?! После всего, что случилось?!

– Ну, не шоу, так съёмки фильма... хотя, каким безумцем должен быть режиссёр, чтобы спокойно продолжать снимать, когда вокруг гибнут люди...

– Нет, это не съёмки! Питер, они стреляют друг в друга по-настоящему! Смотри!

Маленький истребитель поудобнее пристроился в хвосте немецкого самолёта и дал очередь. Небо прочертил пунктир: снаряды прошли совсем рядом с вильнувшей в последний момент машиной с чёрными крестами на крыльях.

– Вот чёрт! – потрясённо прошептал Пётр.

Воздушный бой, разгорающийся у них на глазах, был самым настоящим! Холостые выстрелы не оставляют видимых трасс от пуль и снарядов. По причине отсутствия оных.

Фашистский самолёт огрызнулся несколькими очередями из задней турели и, завалившись на крыло, ушёл в крутое пике. К вибрирующему рёву присоединился противный нарастающий вой.

– Сэми, он заходит прямо на нас! – Пётр рванул оцепеневшую девушку за руку и вместе с ней спрыгнул в глубокую канаву, невесть зачем вырытую рабочими накануне, – Пригнись!

Рёв и вой пробирали до костей. От мелкой вибрации заныли зубы. Самолёт стремительно падал с высоты, казалось, прямо на сжавшихся в глубине канавы людей. Секунда, две, три... Ещё мгновение – и ревущая машина воткнётся носом в землю...

Но в этот самый миг самолёт вышел из пике, показав обнявшимся Петру и Саманте грязно-зелёное «брюхо». Из которого вывалилось что-то продолговатое и понеслось вниз...

– Ложись!!! – не помня себя, заорал Пётр и накрыл собой Саманту, прижимая, вдавливая её в грязное дно канавы.

Земля вздрогнула. От невероятного грохота моментально заложило уши. На спину юноши посыпались комья и какие-то ошмётки.

– Пит, ты живой?! – будто сквозь вату, донёсся до него голос Саманты. Жалобный и далёкий-далёкий.

– Не уверен... – Пётр осторожно пошевелился, освобождаясь от немалого веса земли, наваленной на его спину взрывом, – Вроде, жив.

– Это было то, что я думаю?! Бомба, да?! Нас бомбили?!

– Ну, не думаю, что мы были до такой степени интересны пилоту... Скорее, он просто избавлялся от лишнего веса, вот и сбросил бомбу. Ну, а то, что под ней оказались мы с тобой – знать, судьба такая.

– Питер, как такое вообще может быть?! Что происходит?! Это что, война?!

– Не знаю, лисёнок. Правда, не знаю.

Самолёты продолжали в небе свои смертельные танцы, постепенно смещаясь к востоку. Наконец, маленькому истребителю удалось-таки достать цель: немецкий самолёт вздрогнул, завалился на крыло и вновь понёсся к земле. На этот раз – оставляя за собой густой шлейф чёрного дыма.

– Получил, гад?! – злорадно пробормотал Пётр, наблюдая падение.

Спустя несколько секунд вражеский самолёт скрылся где-то далеко за домами. Ещё через мгновение оттуда высоко в небо взметнулся столб пламени и дыма.

– Пит... – шёпот Саманты перекрыл прилетевший с ветром грохот далёкого взрыва.

– Что?

Вместо ответа девушка отодвинулась, открывая остановившемуся взгляду Петра его дом... Вернее, то место, на котором тот стоял ещё минуту назад.

Бомба, угодившая точно в особняк, не оставила от него ничего. Кроме неглубокой воронки с россыпями битого кирпича по краям...

*15 июня, Западная Украина, Львов,
15—05.*

– Пап? Мам? – тихо позвал Пётр.

Над руинами дома медленно оседала пыль. Кроме этого, никакого другого движения не было. Звуков – тоже.

– Па! Ма! Да где же вы, выходите! – Пётр поспешно выбрался из канавы и побежал к дымящейся воронке, – Выходите скорее, ехать пора! Где вы там?

Юноша перебрался через насыпь из битого кирпича, споткнулся, не удержался на ногах и скатился на дно ямы. Не обращая внимания на ушибы, поднялся и принялся лихорадочно разгребать землю, смешанную с острыми кирпичными осколками.

– Ну скорее же, время уходит! Ма, па, выходите... Чёрт, да где же вы?!

Пётр остервенело рыл руками землю. Срывал ногти, в кровь ссаживал кожу на пальцах, перебежал от одного места к другому – и вновь копал, копал, копал...

– Пит, милый... Пит, погоди! – в воронку скатилась Саманта. Она присела рядом с Петром и робко коснулась его плеча, – Петенька, остановись, пожалуйста! Ты им уже не поможешь... Мне жаль...

– Да брось, Сэми! О чём ты? Тут они где-то, сейчас выйдут. Просто спрятались от налёта, как мы с тобой. Помоги лучше! – он криво улыбнулся и вновь принялся рыть землю.

Саманта уселась на откос воронки, обхватила голову руками и тихо заплакала. Ей было страшно, очень страшно. Казалось, мир вокруг рушится... да он и в самом деле рушился, если верить покойному Велимиру. А не верить ему девушка не могла. Особенно – после всего, что произошло. Родители Питера... она так привыкла к ним за последний месяц. Ей нравились обстоятельная хозяйственность и рассудительность матери, эмоциональность и необидная ироничность отца, их отношение к сыну и к ней, Саманте... И вот, в какие-то секунды их не стало! Это никак не желало укладываться в голове... И уж совсем невероятной, нереальной казалась причина их гибели: бомба, сброшенная каким-то шальным самолётом из давно минувшей войны. Бред какой-то! Этого просто не могло быть!

Девушка подняла лицо и сквозь слёзы посмотрела вокруг: увы, ничего не изменилось. Вот она – свежая воронка с копошащимся на дне Питером, вот они – россыпи из битого кирпича наверху, по краям ямы, а там, вдалеке – тянется в небо столб чёрного дыма, отмечая место падения того самого самолёта... Всё – невозможно, нереально, но – случилось! Каким-то фантастическим образом – случилось...

Пётр вдруг перестал копать. Он замер на месте в нелепой позе – на четвереньках. Постоял так минуту-другую, потом тяжело поднялся, сделал несколько шагов, пошатываясь, – и рухнул навзничь на откос рядом с Самантой.

– Пит, их больше нет, – почти неслышно прошептала девушка и накрыла его руку своей.

Пётр услышал:

– Знаю, Сэми..., – его глаза, не мигая, смотрели в ослепительно-синее небо и слезились, – Их нет.

Повисла тишина. Лишь где-то вдалеке всхлинула сирена – и тут же умолкла, будто спохватившись.

– Это не сон, лисёнок. Всё это – на самом деле, понимаешь? Всё это не может быть правдой, но – правда. Старик был прав: всё разваливается... всё... И знаешь, что самое страшное в этом аду? – голос Петра был тихим и удивительно спокойным.

– Что?

– То, что это – лишь начало. И ещё – то, что даже если нам с тобой удастся найти и вернуть утраченную часть ЭТОГО, мир всё равно уже не станет прежним. И мы с тобой – тоже не станем.

Саманта молча кивнула. Станным образом Пётр уловил её собственные мысли: девушка чувствовала, как изменилась она сама всего-то за несколько последних часов. И понимала, что изменения эти – необратимы.

– Пошли, Сэми. У нас с тобой очень много дел и очень мало времени, – Пётр рывком поднялся на ноги и помог встать подруге, – И не реви. Некогда.

Девушка всхлипнула, грязными ладошками размазала слёзы по щекам и, вслед за Петром, полезла вверх по крутому осыпающемуся склону.

«Паджеро» осторожно пробирался по узким старинным улицам в толпе беспорядочно снующих машин и людей. Город уже отошёл от первоначального шока и зажил новой, непривычной для него жизнью: жизнью *после* большой беды. В невообразимой толчее тут и там поблёскивали маячки машин «Скорой помощи», полиции и пожарных, на многих руинах копошились спасатели, разгребая завалы. Кое-где уже работали экскаваторы и бульдозеры. Город спешно зализывал раны, не ведая того, что случившееся – лишь начало.

– Сэми, смотри: книжный магазин! Там должна быть карта! – Пётр ударил по тормозам и машина, пройдясь юзом по старой гранитной мостовой, остановилась у разбитых витрин небольшого магазинчика.

– Так закрыто же! – Саманта кивнула на дверь с соответствующей табличкой.

– Придётся открыть, – Пётр пожал плечами и выпрыгнул из кабины, – Стоろжи машину, я быстро!

Девушка сквозь стекло ошарашенно наблюдала, как он шагнул в разбитую витрину и скрылся в глубине магазина.

– Геть з машины, швидче! – водительская дверь распахнулась и на сиденье запрыгнул незнакомый тип с окровавленным лицом, – Кому сказав, курва, пишла з машины!

Саманта оторопела. Она попыталась было что-то сказать, но незнакомец, не раздумывая, ударил кулаком её по лицу. Рот девушки тут же наполнился кровью.

– Мовы не розумиєшь, так? Ну, тогда по-русски: вали отсюда, пока жива! – налётчик перегнулся через Саманту и рванул ручку двери, открывая её, – Погуляй, сучка!

Что-то незнакомое, большое и тёмное навалилось на сознание девушки. Время внезапно замедлило свой ход: очень спокойно и неторопливо (как ей показалось!) Саманта достала из солнцезащитного козырька металлическую шариковую ручку (ту самую, которой она чертила по карте), примерилась – и с размаху вонзила её в шею нагнувшегося бандита. Чуть пониже правого уха...

Налётчик всхлипнул и резко разогнулся. Ручка осталась торчать в его шее. Удивлённо глядя на Саманту, бандит нащупал рукой чужеродный предмет в своём теле, помедлил секунду – и выдернул его.

Из раны ударил тугий фонтан алой крови, залил задние стекло и сиденье. И запульсировал радостными частыми толчками.

– Воть! – удивлённо и даже с каким-то уважением пробормотал незнакомец.

Саманта вскрикнула и обеими руками толкнула его в грудь. Бандит неожиданно легко поддался и вывалился в открытую дверь машины. Поднялся на четвереньки – и пополз прочь, окрашивая мостовую справа от себя в сочный алый цвет.

Впрочем, далеко отползти он не успел: фонтанчики крови становились всё короче и короче, – через несколько секунд неудачливый налётчик упал лицом вниз на гранит, вяло дёрнулся пару раз, – и затих.

– Сэми! Что стряслось?! – из магазина выскочил Пётр с рулоном в руках, – Ты вся в крови! Да тут всё в крови! А это кто?!

– Он хотел угнать машину... и ударил меня, – замороженным голосом объяснила девушка, не в силах оторвать взгляд от лежащего на мостовой тела.

– Ты... ты его...

– Я его убила, – кивнула Саманта.

– Как?! Чем?!

– Ручкой... шариковой. В шею.

Пётр запрыгнул на водительское сиденье, швырнул назад карту и повернул ключ зажигания:

– Едем. Потом расскажешь подробности. Если захочешь.

– Но... надо же полицию... наверное. Объяснить всё...

– Нет времени. Да и полиции сейчас не до этого. Он напал на тебя, ты защищалась. Сэми, в нынешней ситуации действует только один закон: закон джунглей! Наша задача – выжить, понимаешь?! Любой ценой. И сделать то, чего никто, кроме нас с тобой, сделать не сможет! Пойми, только мы можем остановить всё это! Только мы! – Пётр остервенело топнул по педали газа и машина с пробуксовкой рванулась вперёд, – Едем.

Выбравшись за город, они съехали с дороги и остановились. Разложили новую карту и нанесли на неё первый пеленг. Постояли немного на холме, прощаясь с раненым городом внизу. И поехали дальше – на юг.

15 июня, Нероград, отделение кардиореанимации, 16—45.

– Давление на нуле! Дыхание агональное!

В отделение вкатили каталку с очередным постадавшим. Сбоку нёсся доктор Симакин, пытаясь на ходу нащупать пульс на сонной артерии страдальца.

– Клара, готовь интубацию и подключичку! Что с ним? – это уже Симакину.

– Закрытая черепно-мозговая травма. Нейрохирург в приёмном посмотрел, снимки сделали, – и решили пока к вам. А он в лифте давление уронил и дышать стал забывать. Пульс вроде есть... пока.

В подтверждение сказанного пациент громко захрипел и перестал дышать. Совсем.

– Клинок! – не глядя, я протянул руку назад и почувствовал, как в ладонь ткнулась холодная рукоятка ларингоскопа.

Через несколько секунд Кларочка уже присоединяла трубку, торчащую из трахеи страдальца, к «гармошке».

– Дыши пока! – я сунул дыхательный агрегат в руки Симакину, – Петрович, там Ромин ещё не одумался? Дышать сам не начал? Пора бы уже, тут на его ИВЛ очередь.

– Ща погляжу! – Ванька унёсся из палаты.

– Кларик, поставь ему пока маннитол в вену! – я кивнул на новоприбывшего.

Сестра кивнула и принялась высвобождать руку бедняги из рукава.

– Задышал Ромин! – Петрович вернулся, толкая перед собой освободившийся дыхательный аппарат.

– Молоток! – неведомо, кого, похвалил я, – Подключай нашего нового гостя. А то доктора Симакина, поди, в приёмном заждались, а он всё тут прохлаждается!

Упомянутый Симакин недобро посмотрел на меня, но промолчал. Так же, молча, сунул ненужную уже «гармошку» в руки Петровичу и гордо покинул отделение.

– Паша! – вскрикнула вдруг Кларочка.

– Что?

– Вот... – как-то растерянно сказала девушка, приподнимая правую кисть нашего нового пациента и демонстрируя её нам.

Мы с Петровичем оторопело уставились на исцарапанную руку. На безымянном пальце которой красовался перстень в виде ромба с мальтийским крестом. Выложенным мелкими алыми камешками...

– Это он?! – просипел я внезапно севшим голосом.

– Ага... вроде, – не слишком уверенно ответил Иван.

Кларочка только тихо шмыгнула носом.

Я присмотрелся к новичку: так, брюнет с проседью, лет сорока пяти. Что там ещё говорил Зотов о своём госте? Прихрамывает на какую-то ногу? Ну, поскольку клиент лежит без сознания, понаблюдать за его походкой мы, естественно, не можем... Как, впрочем, и за тем, что он курит: в ориентировке милейшего Ильи Сергеевича, помнится, фигурировали сигареты «Собрание» чёрного цвета. Но зато перстень... Вряд ли подобные вещи настолько широко распространены, чтобы оказаться у первого же подобранного где-то на улице терпельца.

– Точно – он! – констатировал я.

Повисла тяжёлая пауза.

– И что делать будем? – Петрович не выдержал первым.

Я пожал плечами:

– Понятия не имею... Для начала, наверное, надо бы опознание провести.

– Это как?!

– Ну, предъявить тело с перстнем нашему новому другу Илье Сергеевичу: пусть подтвердит, что это тот самый персонаж, о котором он говорил.

– Да и так понятно, что тот! – горячился Петрович.

– Скорее всего, тот! Но окончательно в этом мы сможем быть уверенными лишь тогда, когда сам Зотов нам это подтвердит.

– Так пошли, прикатим его сюда! Пусть подтверждает, чего зря время терять?!

И в самом деле, чего тянуть-то? Я кивнул:

– Согласен, времени у нас как-то не особо много. Пошли за Зотовым.

Илью Сергеевича мы застали в совершенно непотребном виде: закатившим глазки, усыпанным крупными каплями пота и похрипывающим.

– Упс... – констатировал Петрович и ухватил Зотова за запястье, – Пульс не определяется.

Илья Сергеевич согласно хрипнул и уронил голову на грудь.

– Э-э, погоди! Ты нам ещё понадобишься! – возмутился Ванька и с размаху опустил кулак на грудину новопреставившегося.

Тот никак не отреагировал. Петрович чертыхнулся и принялся за массаж сердца. Я тем временем спешно готовил дефибриллятор. Приложив электроды к груди Зотова, взглянул на монитор: так и есть, на экране судорожно плясала зелёная змейка фибрилляции. Завыл звуковой индикатор зарядки:

– Отошли! Разряд!

Илья Сергеевич подпрыгнул, но оживать не стал. Я ткнул пальцем тревожную кнопку. Через секунду в палату влетела Кларочка.

– Маску, гармошку, интубацию! – выдохнул я, пытаюсь перекричать нарастающий вой зарядника, – Отошли! Разряд!

Зотов опять подпрыгнул, но как-то нехотя. Я посмотрел на монитор: кривулька фибрилляции сменилась идеальной прямой линией. Асистолия.

Выругавшись сквозь зубы, я отшвырнул в сторону бесполезный теперь прибор:

– Петрович, давай на дыхание! Я подменю!

Ванька кивнул и завозился с маской и «гармошкой». Я принялся качать. Погоди, Илья Сергеевич, помирать! Хоть и сволочь ты изрядная, но нам пока нужен. Так что – уж изволь жить... пока, хотя бы.

– Адреналин, два куба, внутрисердечно! Кларик, подготовь!

Через пару секунд Кларочка протянула мне шприц:

– Адреналин, два куба!

Прекратив массаж, я нащупал пальцем нужную точку и вонзил туда иглу. Преодолев лёгкое сопротивление тканей, она вдруг провалилась в полость сердца, но я успел остановить дви-

жение руки. Так, поршень на себя – в шприц пошла тёмная кровь, разводя собой прозрачный раствор адреналина. Невольно пришла на ум ассоциация с известным коктейлем. Кровавая Мэри, блин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.